

АНТОЛОГИЯ МЕДИЦИНСКОЙ МЫСЛИ

Академик
ПИРОГОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Доктор Мясников представляет:
Антология медицинской мысли

Николай Пирогов

**Академик Пирогов.
Избранные сочинения**

«ЭКСМО»

2015

УДК 61(091)

ББК 5г

Пирогов Н. И.

Академик Пирогов. Избранные сочинения / Н. И. Пирогов —
«Эксмо», 2015 — (Доктор Мясников представляет: Антология
медицинской мысли)

«В истории медицины наши соотечественники занимают примерно столько же места, сколько представители всех остальных стран, вместе взятые! Один из самых выдающихся — Николай Иванович Пирогов. Я с молодости восхищался этим человеком. Вам делали когда-либо какую-либо операцию? Без трудов Николая Ивановича все могло пройти не так благополучно!» Доктор Мясников Н. И. Пирогов (1810—1881) вошел в историю как человек, сделавший хирургию наукой, открывший в ней новую эпоху. Как же формировался этот мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал? Вы сможете узнать это из очерка О. Таглиной и самых знаменитых работ ученого, включенных в настоящее академическое издание. «Прочитать его труд — значит окунуться в непередаваемую атмосферу прошлого, иметь собеседником одного из самых неординарных людей того времени!» Доктор Мясников

УДК 61(091)

ББК 5г

© Пирогов Н. И., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Вступление от Александра Мясникова	6
Ольга Таглина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Пирогов

Академик Пирогов. Избранные сочинения

В коллаже на обложке использована картина: И. Е. Репин «Портрет хирурга Н. И. Пирогова». 1881 г.

© Вступительная статья, А. Л. Мясников

© ООО «Издательство «Э», 2015

Вступление от Александра Мясникова

В наши дни особенно хочется гордиться своими великими соотечественниками. Да – глобализация, да – стертые Интернетом границы, да – прогресс для всех... Но Иваны, родства не помнящие, если что стоящее и создадут, то толком распорядиться этим не сумеют! Это сделают за них другие, и далеко не так, как они, возможно, хотели бы!

А уж нам-то есть кого помнить! Абсолютно во всех областях человеческой деятельности. И тем более в медицине! В истории медицины наши соотечественники занимают примерно столько же места, сколько представители всех остальных стран вместе взятые! Да, старт был намного позже, история так сложилась... Когда Амбруаз Паре успешно проводил операции на сосудах и писал основополагающие труды, на Руси опричники Ивана Грозного вытягивали из людей жилы и скармливали их собакам.

Тем более изумляют наши ученые, которые в столь короткий срок смогли заложить принципы развития мировой медицины на много лет вперед!

Один из самых выдающихся – Николай Иванович Пирогов. Я с молодости восхищался этим человеком. Как выпускник Московского медицинского института имени Пирогова я по определению хорошо знал его биографию. Как много выпало совершить этому человеку! Вам делали когда-либо какую-либо операцию? Без трудов Николая Ивановича все могло пройти не так благополучно! Наркоз, само понятие «оперативная хирургия» – источник именно в них! Да, можно сказать, что если бы не он – родился бы кто-нибудь другой. Все так! Но это была бы уже другая история, а в нашей реальности многое в современной медицине стало возможно благодаря гению Пирогова. Прочитать его труд – значит окунуться в непередаваемую атмосферу прошлого, иметь собеседником одного из самых неординарных людей того времени! Не только ученого. Я в первую очередь преклоняюсь перед Врачом с большой буквы. Даже если забыть о его великих трудах и смелых экспериментах, военный хирург Пирогов в любом случае вошел бы в историю! Кавказ, Крым, Турция... Пирогов спас тысячи солдат! Сколько сможет прооперировать один человек? Кто-то больше, кто-то меньше... А он смог организовать военно-полевую медицину так, что ее тактику и по сей день преподают на всех военных кафедрах! Да, был ершистым, иногда неуживчивым, но всегда честным и принципиальным там, где считал, что это его долг! Сказать на парадной аудиенции Царю правду о плохой организации войск или поехать лечить бунтаря Гарибальди?! Да, куда как проще быть вежливым и политкорректным! Но не такие люди делают историю... А Николай Иванович прочно в нее вошел, он свидетель тех удивительных времен и неотъемлемая их часть. Время, потраченное на чтение этой книги, не пройдет зря, и вы не раз будете ее вспоминать!

Ольга Таглина Николай Пирогов

Открывая тексты Николая Ивановича Пирогова, мы невольно задаемся вопросом: «Для кого и с какой целью он писал все это?» И оказываемся совсем не оригинальными, потому что он сам задал себе такой же вопрос и ответил на него: «Для кого и для чего пишу я все это? По совести – в эту минуту только для самого себя, из какой-то внутренней потребности, хотя и без намерения скрывать то, что пишу, от других... я хочу не только уяснить себе со всех сторон мое мировоззрение, – мне хочется из архива моей памяти вытащить все документы для истории развития моих убеждений: как они после разных метаморфоз сложились и сделались настоящими».

«Беседа с самим собою заманчива», отмечал Пирогов, но больше он ценил диалог с другими, в том числе и с нами, отделенными от него многими десятилетиями. Ему хотелось поделиться чем-то важным, что не уничтожается временем, не исчезает в высоких волнах перемен, не теряет своих смыслов в новых обстоятельствах. Дары Пирогова потомкам разнообразны и удивительны.

Николай Иванович Пирогов был необычайно щедр, подарив нам новую хирургию, фактически открыв в ней новую эпоху. Он создал невероятно точные анатомические атласы, уникальную технику проведения операций, придумал инструменты, которыми любой хирург может провести операцию хорошо и быстро, совершил революцию в обезболивании, стал основоположником военно-полевой хирургии. А еще он поделился с нами своим мировоззрением, своими убеждениями и нравственными идеалами. «Я скажу, – писал Пирогов, – что истина не стареется, что жизнь без сознательных идеальных стремлений печальна, бесцветна и бесплодна».

Многое сделанное Пироговым как-то растворилось в жизни общества, стало само собой разумеющимся и как бы безымянным. Когда нам накладывают гипс после неудачного спуска с горы на лыжах или падения в гололед, мы не вспоминаем о Пирогове, а ведь это именно он впервые в истории медицины применил гипсовую повязку, что ускорило процесс заживления переломов и избавило пациентов от неправильного сращения конечностей. Тишина в операционных, ставшая возможной благодаря анестезии – это тоже во многом заслуга Пирогова, ведь именно он провел около 10 000 операций под эфирным наркозом, и первым в мире применил эфирный наркоз на поле боя. Да что говорить, его современники-врачи не мыли руки перед операцией! Пирогов заметил, что если больного оперировать вымытыми руками, а рану и бинты дезинфицировать, то все заживает значительно быстрее, и поэтому боролся за внедрение в практику этих правил.

В. М. Друзин. Пирогов и матрос. Скульптурная композиция в музее-усадьбе Вишня. Винница

Пирогов был великий практик, но одновременно и глубокий философ, которого интересовали понятия пространства, времени, мышления, познания, истины, смысла жизни. Он видел, что «каждый из нас окружен со всех сторон и с колыбели до могилы мировыми тай-

нами», и отмечал, что «все разъясняется, все делается понятно – умей только хорошо обращаться с фактом, умей зорко наблюдать, изошрай чувства, научись правильно наблюдать; тогда исчезнут пред тобою чудеса и мистерии природы, и устройство вселенной сделается таким же обыденным фактом, каким сделалось теперь для нас все то, что прежде считалось недоступным и сокровенным... и это есть одна из главных современных, наиболее благодетельных и полезнейших иллюзий. Эта иллюзия полезна уже и тем, что направляет все наши умственные силы на предметы, подлежащие самому точному чувственному анализу и исследованию, не давая увлечься тем, что навсегда для нас должно остаться заповедною тайною».

Он спорил с Пушкиным, противопоставив его строкам свои:

«Не случайный, не напрасный,
Дар таинственный, прекрасный,
Жизнь, ты с целью мне дана!»

Николай Иванович Пирогов был человеком целеустремленным, его отличало подвижничество, невероятное трудолюбие, неутомимость в поиске, умение отстаивать свои взгляды, научная принципиальность и честность, умение ставить интересы дела выше личных интересов. Он был не только гениальным ученым, патриархом военно-полевой хирургии и травматологии, выдающимся анатомом, но и крупным организатором военно-медицинской службы, педагогом и общественным деятелем. Он был мужчиной, преданным делу, он знал, что разум человеческий имеет границы, а глупость человеческая безгранична и умел противостоять этой глупости. «Я прожил только семьдесят лет, – в истории человеческого прогресса это один миг, – а сколько я уже пережил систем в медицине и деле воспитания! – писал Пирогов, – Каждое из этих проявлений односторонности ума и фантазии, каждое применялось по несколько лет на деле, волновало умы современников и сходило потом со своего пьедестала, уступая его другому, не менее одностороннему. Теперь, при появлении новой системы, я мог бы сказать то же, что ответил один старый чиновник Подольской губернии на вопрос нового губернатора:

– Сколько лет служите?

– Честь имел пережить уже двадцать начальников губернии, ваше превосходительство!»

Пирогов считал, что «все, что случается, должно было случиться и не быть не могло. Все случающееся связано неразрывно цепью причин с случившимся». Как же случилось, что жизнь самого Пирогова была такой, а не иной? Как формировался этот невероятно цельный и мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал?

Николай Иванович Пирогов родился 13 ноября 1810 года в Москве в семье майора Ивана Ивановича Пирогова и его жены Елизаветы Ивановны. Из четырнадцати детей, родившихся в этой семье, большинство умерло в младенчестве. В живых осталось шесть, и Николай был самым младшим из них.

Пирогов с нежностью пишет о родительском доме: «О времени моих воспоминаний, то есть о возрасте, к которому относятся первые мои воспоминания, я сужу из того, что живо помню еще и теперь беличье одеяльце моей кровати, любимую мою кошку Машку, без которой я не мог заснуть, белые розы, приносившиеся моей нянькою из соседнего сада Ярцевой и при моем пробуждении стоявшие уже в стакане воды возле моей кровати; мне было тогда, наверное, не более 7-ми лет; по крайней мере, года 4 отделяют эти воспоминания от других, уже совершенно ясных, относящихся к моему десятилетнему возрасту».

Как видим, поначалу семья жила безбедно. Детей заботливо воспитывали, учили и лечили. С шести лет Николай уже довольно бегло читал. К заболевшим детям вызывали известных врачей, например, профессора Ефрема Осиповича Мухина, который поражал малышей своим необычным видом, уверенным голосом и результатами лечения. Он был добрым вол-

шебником, умевшим творить чудеса. После профессорских визитов детвора целыми днями играла «в лекаря». Роль «знаменитого врача» неизменно играл Николай, а пациентами были братья, сестры, матушка, служанка Прасковья, няня Катерина Михайловна, а иногда и кошка.

Многие постоянные гости семьи Пироговых имели отношение к медицине. Так, Григорий Михайлович Березкин, часто бывавший у Пироговых, служил лекарем. Он был хорошим врачом, интересным собеседником, его латынь поражала энергией, блистала афоризмами и шутками. Березкин подарил Николаю справочник лекарственных растений, и мальчик стал собирать травник – так тогда часто называли гербарии. Ему было очень интересно узнавать, как и какие растения используются при лечении разных болезней.

Другой частый гость семьи Пироговых – Андрей Михайлович Клаус, весьма известный акушер, прекрасно ладил с детьми, умел понятно объяснять им что-то сложное. Иногда он приносил свой микроскоп и разрешал рассматривать разные препараты. Николай быстро освоил микроскоп, и его просто невозможно было оторвать от этого замечательного прибора, делающего видимым невидимое: «Раскрывался черный ящичек, вынимался крошечный блестящий инструмент, брался цветной лепесток с какого-нибудь комнатного растения, отделялся иглою, клался на стеклышко, и все это делалось тихо, чинно, аккуратно, как будто совершалось какое-то священнодействие. Я не сводил глаз с Андрея Михайловича и ждал с замиранием сердца минуты, когда он приглашал взглянуть в его микроскоп.

– Ай-ай-ай, какая прелесть! Отчего это так видно, Андрей Михайлович?

– А это, дружок, тут стекла вставлены, что в 50 раз увеличивают».

Поколение, к которому принадлежал Николай Пирогов, росло на рассказах, легендах, былях и мифах только что отгремевшей войны с Наполеоном. Двенадцатый год тревожил юные умы, мальчишки самозабвенно играли в войну и обязательно побеждали врага, защищая свою Родину. Для Николая Пирогова «рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были... колыбельной песнью, детскими сказками... Илиадой и Одиссеей».

В доме майора Ивана Ивановича Пирогова, служившего казначеем в провиантском депо, была библиотека. На полках отцовского шкафа стояли толстые кожаные тома, среди которых были описания путешествий по разным провинциям Российского государства академика Петра Палласа, стихи Жуковского и Державина, поэмы Гомера, басни Крылова, Лафонтена, Эзопа.

Николай Пирогов во время учебы в Московском университете. Фотография. 1820-е гг.

Юный Николай рано пристрастился к чтению. Одна из первых заинтересовавших его книг была книга «Зрелище вселенная». Представьте себе такую маленькую детскую энциклопедию – восемьдесят иллюстраций в красном сафьяновом переплете с объяснениями к ним на русском, на немецком, на латыни. Короткие рассказы о земле и небе, металлах и камнях, животных и растениях, человеке и его занятиях. Рисунки из своих ранних детских книжек Пирогов помнил потом всю жизнь. Даже в глубокой старости он мог их описать, так свежи были

в его памяти эти зрительные образы. «Чтение детских книг было для меня истинным наслаждением, – признавался Пирогов, – я помню, с каким восторгом я ждал подарка от отца книги: „Зрелище вселенной“, „Золотое зеркало для детей“, „Детский вертоград“, „Детский магнит“, „Пильпаевы и Эзоповы басни“, и все с картинками, читались и прочитывались по несколько раз, и все с аппетитом, как лакомства».

Когда Николай подросток, он сдал экзамен в частный пансион Кряжева. Василий Степанович Кряжев был человеком незаурядным, он написал, перевел и издал множество книг – учебники французского, английского и немецкого языка, арифметику, географию. Василий Степанович был хороший педагог, прекрасно декламировал стихи. Русская словесность стала для Николая любимым уроком, и потом, на протяжении всей жизни его литературный стиль всегда был безупречным, он писал точно, сжато и образно. «Ни на один урок я не шел так охотно, как в класс Войцеховича, – вспоминал Пирогов, – в нем все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокий и несколько сутуловатый, с добрыми голубыми глазами, Войцехович (кандидат Московского университета) одушевлялся на уроке так, что одушевлял и нас. Я был, судя по отличным отметкам, которые он мне всегда ставил в классном журнале на уроке, лучшим из его учеников и, должно быть, этим держал на карауле мою внимательность».

Юный Пирогов уже тогда был человеком весьма ответственным. Он завел тетрадь, сшитую из толстой серой с желтизной бумаги. Тетрадь называлась «Посвящение всех моих трудов родителю» и предназначалась в подарок отцу. Николай записывал в нее собственные сочинения в стихах и прозе, переложения прочитанного, а также свои мысли и цитаты из прочитанных им книг.

Пирогов писал, что его детство до 13–14 лет оставило по себе самые приятные воспоминания: «Отец мой служил казначеем в московском провиантском депо; я как теперь вижу его одетым в торжественные дни в мундир с золотыми петлицами на воротнике и обшлагах, в белых штанах, больших ботфортах с длинными шпорами; он имел уже майорский чин, был, как я слышал, отличный счетовод, ездил в собственном экипаже и любил, как все москвичи, гостеприимство».

Семья Пироговых была патриархальной, устоявшейся, крепкой, она казалась вечной – со своими законами и неизменным укладом. Но беды не обходили и ее. На глазах у Николая умерла его сестра, умер от кори брат. Это были первые смерти в жизни мальчика, смерти страшные и непонятные. Брат Николая – Петр – оказался азартен, он играл в карты, делал непосильные для семьи карточные долги. Семья Пироговых мужественно переносила невзгоды, но ее материальное благополучие было разрушено волею случая.

Однажды сослуживец Ивана Ивановича Пирогова повез на Кавказ большие деньги – тридцать тысяч рублей – и сбежал вместе с ними. Суд взыскал деньги с Пирогова. Имущество семьи было описано и продано. Для Пироговых пришло время нищеты, которая резко изменила статус семьи и лишила ее привычного уклада жизни. Как ни странно, но неожиданная бедность и крушение семейного уклада помогли появлению великого хирурга Пирогова. И происходило это так.

Матвей Яковлевич Мудров (1776–1831). Один из основателей российской терапевтической школы, военной гигиены, первый директор медицинского факультета Московского университета.

Из пансиона Николая забрали, поскольку денег для оплаты его обучения не было. Курс в пансионе был рассчитан на шесть лет, Пирогов проучился всего два года и получил документ следующего содержания: «Комиссионера 9-го класса сын Николай Пирогов обучался в панси-

оне моем с 5 февраля 1822 года катехизису, изъяснению литургии, священной истории, российской грамматике, риторике, латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, истории всеобщей и российской, географии, рисованию и танцеванию, с отличным старанием при благонравном поведении... Надворный советник и кавалер Василий Кряжев».

Казалось, что учеба закончилась навсегда... И тут на помощь пришел Ефрем Осипович Мухин, тот самый любимый семейный врач. Он сказал Пирогову-старшему, что сын у него толковый и его надо послать сразу в университет, не доучивая в пансионе, потому что так будет дешевле. Это была явная авантюра, потому что в университет поступали с шестнадцати лет, а Николаю было всего четырнадцать. Но другого варианта просто не было.

Нанятый отцом студент-медик Василий Феоктистов стал готовить Николая в университет. Пирогов вспоминал о нем: «Василий Феклистыч Феклистов – так звали наши домашние студента Феоктистова – доставлял мне также чисто детскую радость. Я детски радовался, что готовлюсь в университет, и занимался прилежно с Феоктистовым; мне доставлял наслаждение и осмотр его медицинских книг – какой-то старинной анатомии с картинками, какой-то терапии с рецептами, но всего более и с каким-то невыразимо приятным трепетом сердца, – это я как будто еще теперь чувствую, – разбирал я принесенный однажды Феоктистовым каталог университетских лекций».

Отец же в это время пошел по канцеляриям – бить челом, совать «под локоток», то есть давать взятки. Благодаря его усилиям 1 сентября 1824 года «по императорскому указу» было удостоверено, что в формулярном списке Ивана Пирогова «значится в числе прочих его детей законно прижитый в обер-офицерском звании сын Николай, имеющий ныне от роду шестнадцать лет». Приписанные два года делали университет реальностью только при условии, что Николай выдержит экзамены. И четырнадцатилетний мальчишка сделал невозможное – он готовился как одержимый и на экзаменах проявил подлинную зрелость и весьма обширные знания. Вот цитата из документов университетского архива: «По назначению господина ректора университета мы испытывали Николая Пирогова, сына комиссионера 9-го класса, в языках и науках, требуемых от вступающих в университет в звание студента, и нашли его способным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Но сам Пирогов был о себе тогдашнем не такого высокого мнения: «Знания были менее чем ограниченные для моего возраста; вкус к искусствам мало развит, только любовь к изящному слову и стиху была сильна; с другой стороны, остались неутраченными еще и детская наивность, и детская вера, и любовь к занятию и труду. Вступление в университет было таким для меня громадным событием, что я, как солдат, идущий в бой на жизнь или смерть, осилил и перемог волнение и шел хладнокровно. Помню только, что на экзамене присутствовал и Мухин как декан медицинского факультета, что, конечно, не могло не ободрять меня; помню Чумакова, похвалившего меня за воздушное решение теоремы (вместо черчения на доске я размахивал по воздуху руками); помню, что спутался при извлечении какого-то кубического корня, не настолько, однако же, чтобы совсем опозориться. Знаю только на верное, что я знал гораздо более, чем от меня требовали на экзамене».

Так 22 сентября 1824 года Николай Пирогов стал студентом Московского университета. На его книжных полках появились книги по анатомии, физиологии и фармакологии, а на столе – человеческие кости. От университета до дома было далеко, и обеденное время Николай проводил в «10-м нумере для казеннокоштных студентов» у бывшего своего учителя Феоктистова. Это была настоящая школа студенчества, которой посвящено много страниц в мемуарах Пирогова. Он вспоминал: «На первых же порах, после вступления моего в университет, 10-й номер снабдил меня костями и гербарием; кости конечностей, несколько ребер и позвонков были, по всем вероятностям, краденые из анатомического театра от скелетов, что доказывали проверчен-

ные на них дыры, а кости черепа, отличавшиеся белизною, были, верно, украдены у Лодера, раздававшего их слушателям на лекциях остеологии».

Студент Николай Пирогов тоже учился у профессора Христиана Ивановича Лодера, знаменитого анатома, доктора медицины. В свое время Лодер преподавал в Йене анатомию, физиологию, хирургию, повивальное искусство, медицинскую антропологию, судебную медицину и естественную историю. С 1810 года он жил в России, получил чин действительного статского советника и звание лейб-медика. Во время войны 1812 года он был организатором крупных госпиталей.

Изучив хирургию у лучших хирургов Европы и в лучших анатомических театрах того времени, Лодер владел своим искусством в совершенстве. Он презирал рутину и всегда настаивал на полной самостоятельности приемов при операции. Как профессор Лодер отличался точностью своих наблюдений и ясностью изложения. Он сделал много ценных наблюдений и обобщений в хирургии, основанных на опыте.

Другим учителем Пирогова был профессор терапии Матвей Яковлевич Мудров. Матвей Яковлевич после Аустерлицкой битвы первым в России стал читать курс военной гигиены, он был одним из основоположников русской военно-полевой хирургии и терапии. Мудров любил говорить молодым врачам: «Держитесь сказанного Гиппократом. С Гиппократом вы будете и лучшие люди, и лучшие врачи».

С именем Матвея Яковлевича Мудрова связана реорганизация преподавания в России медицинских наук: были введены практические занятия для студентов и преподавание патологической и сравнительной анатомии, усилено оснащение кафедр учебно-вспомогательными пособиями.

Матвей Яковлевич был семейным врачом Голицыных, Муравьевых, Чернышевых, Трубецких, Лопухиных, Оболенских, Тургеневых и других именитых семейств. С самых первых дней своей практики Мудров начал скрупулезно записывать в тетрадках и собирать истории болезни своих пациентов. В них были подробные записи о диагнозе, особенностях течения болезней и тех средствах, которые применялись для лечения, а также об их эффективности. Мудрову это позволяло в любой момент найти историю болезни того или иного больного, к которому его пригласили, и воскресить в памяти способ лечения, использованный в данном конкретном случае. Нередко много лет спустя бывшие пациенты обращались к Мудрову с просьбой отыскать в его книгах рецепт препарата, который им помог. Ни один врач Москвы, даже самый знаменитый, не располагал таким собранием практических наблюдений.

«Научитесь прежде всего, лечить нищих – говаривал студентам Матвей Яковлевич. – Богатого легче вылечить. Бедняку же и снадобье из аптеки выкупить не на что». Он считал, что не только снадобья приносят исцеление, но также «избранная диета, полезное питье, чистый воздух, движение или покой, сон или бдение в свое время, чистота постели, жесткость ее или мягкость». Не менее важными являлись, по Мудрову, и душевные лекарства, поскольку они сообщают больным твердость духа, который побеждает телесные болезни. Первый же рецепт для здоровья, который давал этот великий врач, был таким: «В поте лица твоего снеси хлеб свой. То есть трудись».

Ефрем Осипович Мухин (1766–1850). Один из основоположников российской медицины, основатель отечественной травматологии, хирург, анатом, физиолог, гигиенист и судебный медик, доктор медицины, заслуженный профессор Московского университета.

С этим рецептом Николай Пирогов был полностью согласен, что и подтвердил всей своей последующей жизнью, заполненной трудом, трудом и еще раз трудом.

Мудров так говорил студентам о пользе патологической анатомии: «Будучи поучаем ежегодными переменами модных теорий, я не вижу другой дороги добиться истины, кроме строгого исследования болезненных произведений... Над трупом мы будем ближе подходить к истине, исследывая произведение болезни и сравнивая минувшие явления с существом оной. Разбогатев в сих данных истинах, кои суть награды беспрестанных трудов, мы дойдем со временем до важных открытий».

Пирогов как никто подтвердил эти слова, поскольку именно «над трупом» он часто подходил к пониманию истины.

Ефрем Осипович Мухин – один из виновников раннего поступления Пирогова в университет – теперь тоже стал его учителем. Ефрем Осипович сделал сотни хирургических операций, первые – под Очаковым, на поле битвы. Он добивался в России всеобщего оспопрививания, с утра до ночи трудился в больницах, изобретал новые способы лечения – электрические, гальванические, паровые, заложил основы отечественной травматологии, разработал оригинальные методы вправления вывихов, лечения переломов и иммобилизации конечностей, переводил учебники, сам написал «Начала костоправной науки» и «Руководство по анатомии»; в университете читал анатомию, физиологию и судебную медицину, имел высшую ученую степень доктора медицины и хирургии и возглавлял кафедру анатомии.

В 1816–1817 и 1820–1824 годах Мухин избирался деканом медицинского факультета, что свидетельствовало о его большом авторитете у коллег.

Сочетая обширную практику с университетскими лекциями и руководством факультетом, Мухин стремился поставить российские медицинские учебные заведения на европейский уровень. Он оказывал помощь многим талантливым, но бедным студентам, содержал на свои средства значительное количество врачей, готовившихся к профессуре и к практике в госпиталях. Вникая во все детали учебного процесса, Мухин создавал базу для развития медицинской науки на факультете: составлял проекты реорганизации медицинского факультета, переоборудовал анатомический театр, открыл специальную медицинскую библиотеку, в которой студенты могли ознакомиться с новейшей, в том числе иностранной, литературой по медицине. Понимая необходимость учиться у европейских ученых, Мухин финансировал молодых выпускников, выезжавших за границу.

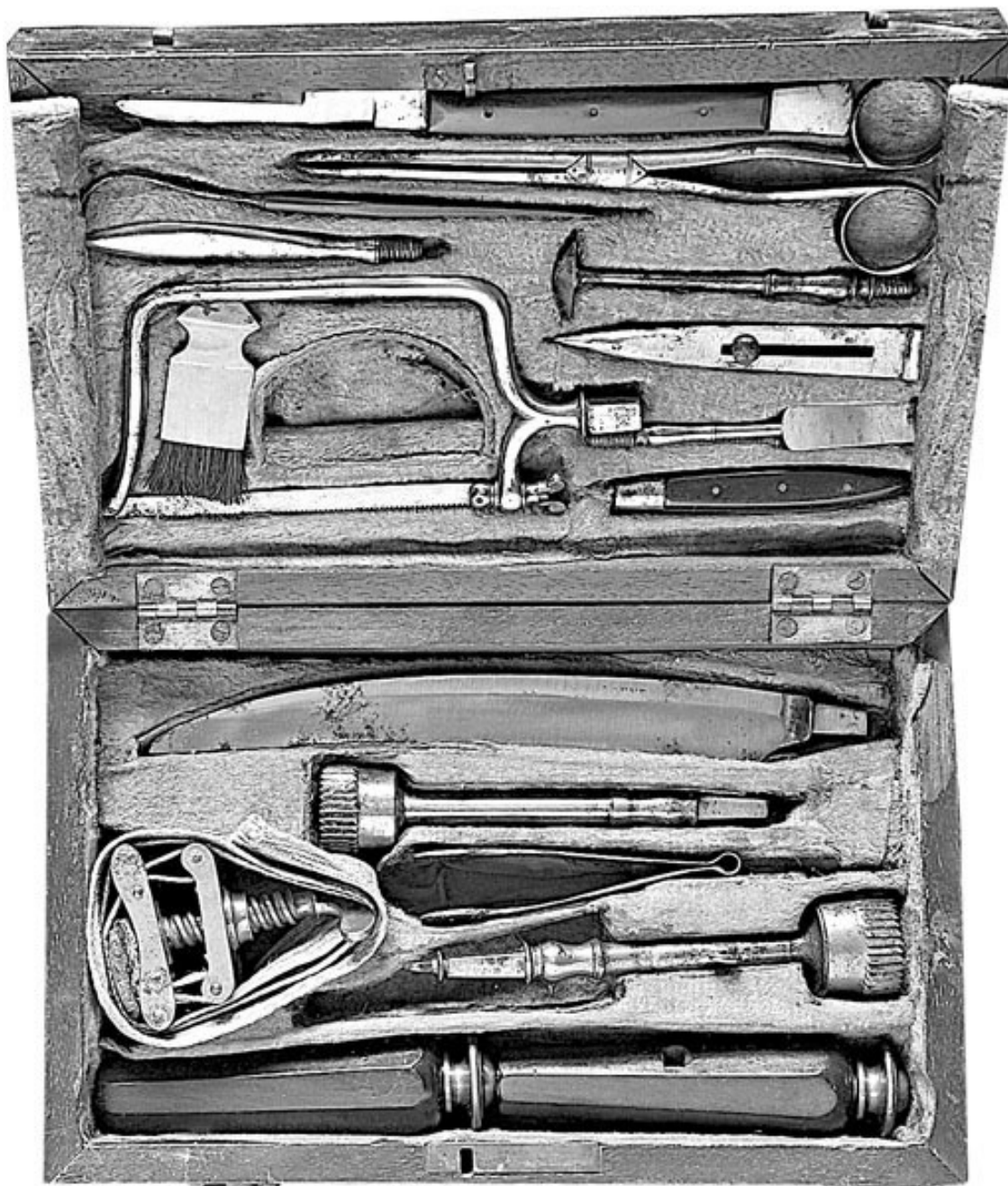
Свои лекции Ефрем Осипович Мухин вел в виде свободной беседы. Он разбирал функции отдельных органов и тут же высказывал идею целостности организма: «Иные считают, будто болезнь поражает отдельную часть тела. Полагаю, что не так. Все части тела человеческого имеют взаимное между собой сообщение». Повороты в его лекциях бывали иной раз совсем неожиданными. Как-то раз Мухин замолчал, не окончив рассуждения, помедлил и сказал совсем о другом: «Народное здравие немислимо без хороших жилищ, одежды, питания. Врач, ставящий превыше всего пользу отечеству, должен думать и о сих предметах. Ныне в деревнях неурожай. Голод. Вот и взял я себе задачей отыскать заменители хлебных злаков».

Мудров, Мухин, Лодер... Их именами, по словам Пирогова, мог гордиться Московский университет того времени. Трудом этих ученых, трудом их коллег закладывались основы передовой русской медицины, основы патологической анатомии, физиологии, терапии.

Правда, обучение в университете было очень далеко от практики, о чем Николай Пирогов весьма сожалел. Лодер препарировал трупы, но сам студент Пирогов изучал анатомию по картинкам и не вскрыл ни одного трупа. Мудров ратовал за практику, не уставал говорить о врачебном опыте, но студент Пирогов написал всего одну историю болезни единожды виденного больного. Мухину не трудно было в лекциях переходить с одного предмета на другой, потому что он накопил в больнице и у операционного стола множество знаний. Но студент Пирогов за годы учения не сделал ни одной операции, даже кровопускания, он только описывал операции в тетради.

Тем не менее Пирогов писал в своих воспоминаниях: «Но, несмотря на комизм и отсталость, у меня от пребывания моего в Московском университете вместе с курьезами разного рода остались впечатления, глубоко, на целую жизнь врезавшиеся в душу и давшие ей известное направление на всю жизнь».

Именно это «направление на всю жизнь» и дали ему его университетские учителя. Еще один человек, несомненно, способствовал этому – это отец, Иван Иванович Пирогов. Но сыну было суждено рано потерять отца.

Набор хирургических инструментов середины XIX в.

Чтобы свести концы с концами, Иван Иванович вел частные дела, старался, как мог, пытался снова подняться до более-менее высокого материального уровня. Но он заболел, стал задыхаться по ночам и вскоре умер. Семья осталась без дома, заботу о ней взял на себя троюродный брат отца Андрей Филимонович Назарьев. Андрей Филимонович служил заседателем

в суде, сам был беден и обременен семьей, но он привез родню к себе и уступил мезонин с чердачком.

У Андрея Филимоновича Пироговы жили год. Совестились, потому что и сам дядюшка перебивался с трудом, допоздна сидел на работе и приносил домой кипы бумаг. Он водил иногда Николая в трактир – чай пить, а однажды, повздыхав, купил ему сапоги. Пирогов вспоминал: «Мой дядюшка, – так я называл, – Андрей Филимонович был добрейшее и тишайшее существо тогдашнего чиновничьего мира; небольшого роста от природы, даже еще согнувшийся от постоянного писанья, он был истинный тип небольшого чиновника-муравья. Андрей Филимонович говорил мало и тихо; все его наслаждения ограничивались слушанием птичьего пения во время письменной работы, покуриванием табаку из длинного чубука с перышком вместо мундштука и чаепитием».

Мать и сестры Николая занимались рукоделием. Одна из сестер, радуясь крохотному жалованью, поступила надзирательницей в благотворительное детское заведение. За год подкупили деньжонок, кое-что продали и съехали от дядюшки. Сняли себе квартиру – и половину ее тотчас сдали внаем студентам.

Николай слышал, как однажды о его семье сказали: «Нищенствуют». Они действительно были чрезвычайно стеснены в средствах. Когда вышел приказ о том, что в университет нельзя являться без мундира, то сестрам Пирогова пришлось сшить наскоро из старого фрака куртку с красным воротом. Чтобы не обнаружить несоблюдения формы, Николай сидел на лекциях в шинели, а из-под нее торчал наружу только красный ворот.

На что мог рассчитывать Николай Пирогов после окончания курса в университете? Для него, человека без средств, без связей, отправиться лекарем в дальний полк было бы счастьем, но он не хотел в полк. Он хотел заниматься наукой. И снова, как всегда на перепутьях его жизненной судьбы, появился Ефрем Осипович Мухин, который предложил Пирогову замечательный вариант будущего. «Вот, – сказал он, – открывается в городе Дерпте Профессорский институт. Будут в нем своих, русских профессоров готовить. Вы готовы ехать?» Конечно, Пирогов был не просто готов, он был счастлив туда поехать! Для этого надо было выбрать медицинскую науку, которой он должен был заниматься, и Николай Пирогов выбрал свою судьбу – хирургию. Медицина была для Пирогова наукой жизни, наукой исцеления больных. Он хотел «иметь дело не с одним трупом», но с живыми людьми. Почему Пирогов выбрал хирургию? Он сам ответил на этот вопрос: «Так как физиологию мне не позволили выбрать, а другая наука, основанная на анатомии, по моему мнению, есть одна только хирургия, я и выбираю ее. Какой-то внутренний голос подсказал тут хирургию».

Благословляя выбор своего ученика, Ефрем Осипович Мухин не знал, что это будет уже не та хирургия, в которой трудился он сам и его современники. На самом деле он благословлял и новую хирургию, и ее будущего творца.

По дороге в Петербург, где надо было сдать экзамены, Николай думал о хирургии, операциях, которых он почти не видел, о том, что сам он даже еще и зуба не вырвал. Он видел себя с ножом в руке, проводящим операцию, и боялся казаться не на высоте: «Я во все время моего пребывания в университете ни разу не упражнялся на трупах в препаровочной, не вскрыл ни одного трупа, не отпрепарировал ни одного мускула и довольствовался только тем, что видел приготовленным и выставленным после лекций Лодера. И странно: до вступления моего в Дерптский университет я и не чувствовал никакой потребности узнать что-нибудь из собственного опыта, наглядно. Я довольствовался вполне тем, что изучил из книг, тетрадок, лекций». Но не забывайте, что Пирогову в это время всего 16 лет! По существу, он еще мальчишка, но уже готов браться за серьезную профессию – хирургию. Не забывайте также, что многого из того, что прочно связано для наших современников с понятием «операция», не было в то далекое время, когда начинал свою профессиональную деятельность Пирогов. Не было стерильных операционных, специальной медицинской одежды, не было стерилизации инструмен-

тов, защитных масок на лицах, перчаток на руках хирурга. Все было иначе: засучив, чтобы не запачкать, рукава сюртука, оперировали и в зловонной «гошпитальной» палате, и прямо на дому. Дома было чище, чем в госпитале, поэтому операции на дому проходили успешнее. А бывали времена, когда операции проводились в ярмарочной палатке, где располагался зашедший в город вместе с бродячими комедиантами бродячий хирург.

Томас Икинс. Клиника Гросса (Хирургическая операция). 1875 г.

Поскольку о бактериях по тем временам еще ничего не знали, то любое хирургическое вмешательство завершалось нагноением, то есть бактериальной инфекцией. Открытый перелом, пулевое ранение часто вели к ампутации, ампутация часто завершалась смертью. Ни один

самый искусный хирург не мог предсказать результата ни одной, казалось бы, самой удачной операции.

Но что еще хуже – не существовало обезболивания, поэтому операции были сопряжены с невероятной болью. В такой ситуации от больного требовалось мужество, а от хирурга – быстрота. Ампутации, вылушивания суставов, камнесечения умелые хирурги проводили в считанные минуты. Если во время операции больной не умирал от шока, а после – от заражения, то она была не просто удачей, а настоящим чудом.

В Петербурге Пирогов сдавал экзамен при Академии наук. Его экзаменовал профессор Иван Федорович Буш, известный хирург и профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В честь Буша была даже учреждена хирургическая премия. Он опубликовал «Руководство к преподаванию хирургии» и много других трудов. Пирогов вспоминал: «он спросил у меня что-то о грыжах, довольно слегка... А я, признаться, трусил. Где, думаю, мне выдержать порядочный экзамен по хирургии, которой я в Москве вовсе не занимался! Радость после выдержания экзамена была, конечно, большая».

Пирогов слишком скромно оценил свой ответ. Будучи кандидатом на обучение в Профессорском институте при Дерптском университете, он сдавал экзамен в числе одиннадцати претендентов и был высоко оценен экзаменующими его профессорами. Иван Федорович Буш сказал об ответе Пирогова: «Превосходно!»

Вместе с Николаем Пироговым сдавали экзамен Алексей Филомафитский – будущий основоположник русской физиологии, Григорий Сокольский – будущий терапевт, пропагандист передовых методов обследования, автор классических работ по туберкулезу легких, Александр Загорский – один из будущих основателей экспериментального метода преподавания физиологии, Федор Иноземцев – будущий известный хирург и ученый.

Молодая поросль русской медицинской науки выходила на передовые европейские рубежи. Из сотен студентов отобрали для учебы в Профессорском институте всего два десятка. Профессорский институт, в который они ехали, «придумал» академик Егор Иванович Паррот, физик и педагог, ректор Дерптского университета, один из пионеров российского альпинизма и участник кругосветного путешествия, словом, личность незаурядная.

Институт должен был быстро подготовить группу молодых профессоров для российских университетов. Доклад об устройстве профессорского института одобрил Николай I, который написал: «Лучших студентов человек двадцать послать на два года в Дерпт, а потом в Берлин или Париж, и не одних, а с надежным начальником на два года; все сие исполнить немедленно».

Дерпт был городом студентов, на его узких улицах шла бурная студенческая жизнь. Повсюду, перекликаясь и шумно беседуя, бродили бурши-корпоранты. У каждой корпорации свой устав, свой суд, своего цвета шапочка, своих цветов перевязь через плечо. У многих буршей на лице шрамы – следы дуэлей. Шрамы считались украшением, свидетельством чести и храбрости. Гордостью студенческого жилища были скрещенные на стене шпаги, небрежно брошенные на подоконнике дуэльные перчатки. Но на дуэлях убивали редко. Противники нанесли по семь ударов каждый и расходились. Чаще всего потом отправлялись вместе пить, а после до полуночи распевали на улицах песни.

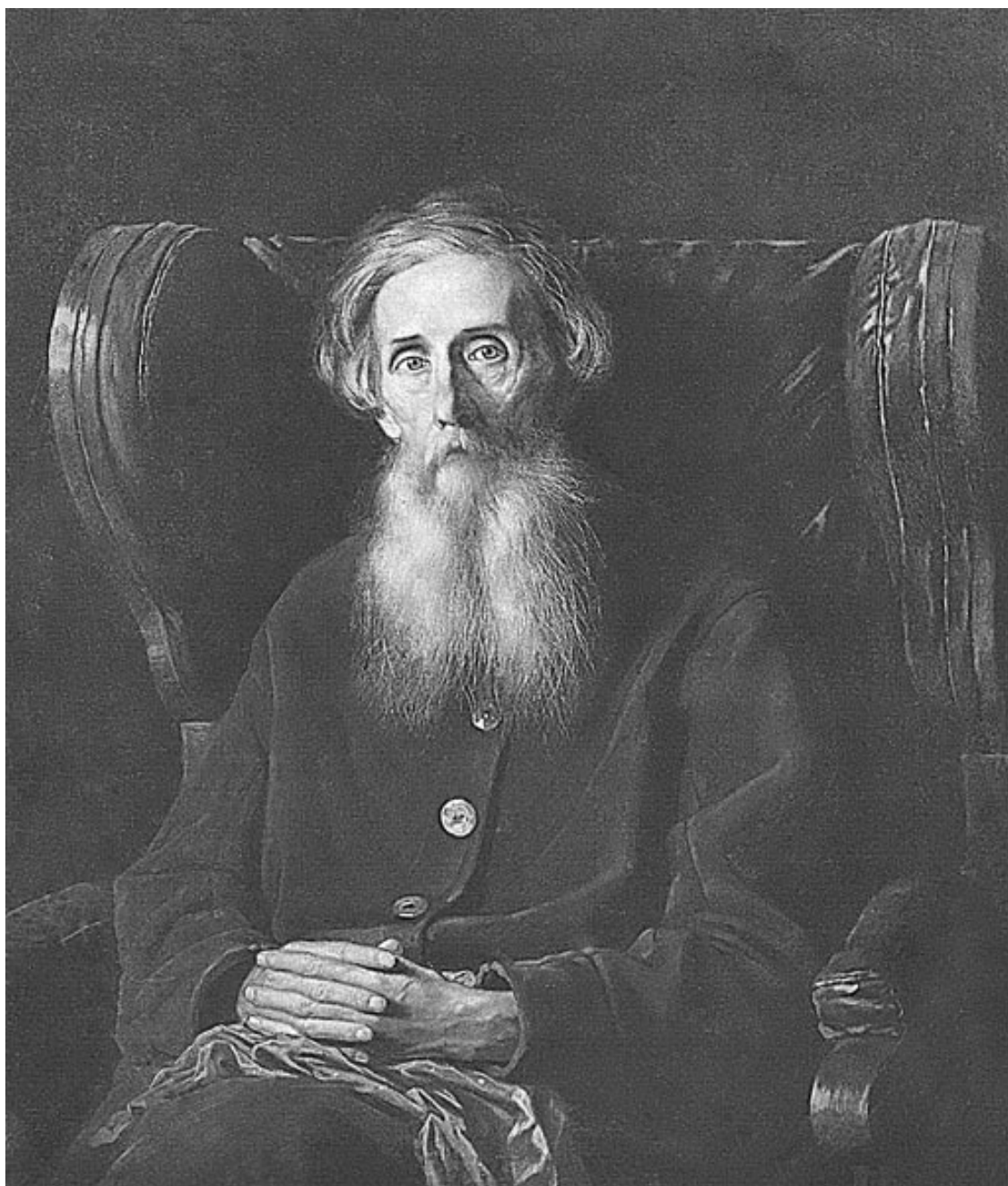

Федор Иванович Иноземцев (1802–1869). Российский врач, доктор медицины, хирург, который 7 февраля 1847 г. провел первую в истории Российской империи операцию с применением эфирного наркоза.

Но были и трагические ситуации. Вот как описал одну из них сам Пирогов: «В течение пяти лет были только два случая опасных дуэлей между студентами. В одном случае студенческий Schlager (род палаша) попал на третий грудинный хрящ, перерубил его и повредил титечную внутреннюю артерию (art. mammaria interna); собравшийся около раненого факуль-

тет, надо признаться, опозорился. Когда образовался плеврит раненой плевры с выпотом и значительным кровотечением из раны, до тех пор некровоточивой, то трое профессоров погрязли в предположениях: один говорил, что тут ранено легкое; другой – что ранена легочная вена; но ни один не узнал плевритического выпота в несколько фунтов весом. В таком-то жалком положении в то время находилось исследование грудных органов в наших университетах».

Как видно из описания инцидента, Николай Пирогов никогда не был участником описанной выше студенческой жизни, – он был увлечен медициной и много работал. Много – это 24 часа в сутки. Он работал бы и больше, но двадцать пятого часа, к великому его сожалению, в сутках не содержалось. К тому же хоть изредка, но приходилось спать, что отбирало столь ценное для работы время. Но у Пирогова была уникальная способность трудиться без отдыха, непреходящая жажда работы. Он мог бесконечно трудиться, не теряя физических сил, ясности мысли, свежести догадок, остроты наблюдений. Он слушал лекции по хирургии, присутствовал на операциях, ассистировал, дотемна засиживался в анатомическом театре, препарировал, ставил опыты, много читал, делал заметки, выписки, пробовал свои литературные силы.

В. Г. Перов. Портрет Владимира Ивановича Даля. 1872 г.

Он написал свою первую научную статью «Анатомико-патологическое описание бедренно-паховой части относительно грыж, появляющихся в сем месте». Частые операции, совершаемые по поводу грыж, и частые печальные исходы, следовавшие за операциями, делали выбранную им тему очень актуальной. Готовя эту статью, Пирогов задает себе вопрос: «Всякий ли человек, называющий себя хирургом, может быть уверен, что точно исполнит свои обязанности, сделает все, чтобы предупредить несчастный исход?» и отвечает: «Чтобы наслаждаться таковою уверенностью, для сего требуется многое; для сего требуются отличные сведения анатомические и патологические, для сего нужно, чтобы искусившаяся в исследовании частей человеческого тела рука не была приводима в сотрясение легкостью анатомико-патологических сведений: нужно, чтобы голова была ни легче, ни тяжелее руки».

Пирогов писал решительно, словно выносил приговор: «Мало того, ежели искусно разрезывает части хирург, надобно, чтобы он имел самые тонкие анатомико-патологические познания о тех частях, которые он разрезывает; иначе он не заслуживает имени хирурга».

В Дерпте Пирогов был представлен знаменитому хирургу, профессору Иоганну Христиану (Ивану Филипповичу) Мойеру. Профессор высоко оценил талантливого ученика, открыв в нем хирургическое дарование, изумительное трудолюбие и прилежание. Какое-то время Пирогов даже жил в доме профессора. Здесь состоялось его знакомство с поэтом Николаем Языковым, литератором Владимиром Соллогубом, друзьями Александра Сергеевича Пушкина – Василием Андреевичем Жуковским, Алексеем Вульфом, Анной Керн. Еще раньше он познакомился и подружился с Владимиром Далем.

Владимир Иванович Даль был удивительным человеком. Он служил на флоте, работал врачом, был министерским чиновником в Петербурге, под именем Казака Луганского вошел в литературу с повестями, рассказами, очерками, но главное – он всю жизнь собирал народные песни, сказки, пословицы, лубочные картинки. Пятьдесят три года из семи прожитых десятилетий он отдал работе над своим «Толковым словарем живого великорусского языка».

Даль был на девять лет старше Пирогова. Ко времени их встречи он уже успел выйти в отставку с флота и оказался на медицинском факультете Дерптского университета, увлекся хирургией, защитил диссертацию. Даль и Пирогов стали настоящими друзьями. Но и на дружбу у Пирогова не было много времени. Лекции, клиника, опыты, анатомический театр – он жил в постоянном напряжении, находил работу там, где другой не видел, что можно сделать. Работы у Пирогова всегда оказывалось гораздо больше, чем времени. Это продолжалось всю его жизнь.

Дерптский университет. Фотография. 1830 г.

Пирогов ушел в хирургию и анатомию, словно вскрыл золотую жилу, драгоценный запас которой был неисчерпаем. Он перестал посещать лекции по другим предметам, в результате чего рядом с похвальными оценками по части хирургии и анатомии в учебной ведомости появилась запись: «Должно ему заметить, чтобы он с большим прилежанием занимался вспомогательными науками». Но Пирогов был упрям и хотел заниматься лишь избранными пред-

метами, экзамен на докторскую степень он решил вообще не держать. Хорошо еще, что профессор Мойер уговорил его не делать глупостей.

Иван Филиппович Мойер был главным учителем Пирогова в Дерпте. Талантливый хирург, он изучал медицину в Геттингене, Павии, Вене. В 1815 году Мойер стал профессором Дерптского университета. Он был талантливым педагогом и не только передавал ученикам знания, но и воспитывал их.

Мойер отличался благородством, проповедовал верность делу и благородные отношения между людьми. Он радовался успехам учеников, гордился ими и не боялся того, что они вырвутся вперед. Мойер поручал Пирогову сложные операции: перевязки артерий, вылушение кисти руки, удаление рака губы. В двадцатилетнем Пирогове профессор увидел не просто ученика – наследника. Биографы считают, что отношение Мойера к Пирогову было сродни отношению Жуковского к Пушкину. Это отношение учителя, понимающего, что его ученик более талантлив и пойдет дальше. Кстати, Жуковский бывал в Дерпте и гостил у Мойера, любил слушать, как профессор играет на фортепьяно.

Николай Пирогов особенно интересовался операциями на сосудах. Избранное им направление было важным и перспективным. Пирогов изучал главным образом вопросы, связанные с перевязкой больших артерий. Когда в конце 1829 года медицинский факультет Дерптского университета предложил студентам список тем для научных сочинений, Пирогов выбрал тему «Что наблюдается при операциях перевязки больших артерий?» Его сочинение было удостоено золотой медали. Руководители медицинского факультета признали сочинение «превосходнейшим» и выразили надежду, что работа юного автора «сможет заслужить признание широкой публики».

Надо заметить, что научные интересы ученика Профессорского института Николая Пирогова лежали в русле основных исследований русской хирургической школы. С необходимостью перевязывать сосуды часто сталкивались и хирурги, и военные врачи. Эта операция была основным способом лечения аневризм. Учение об аневризмах – расширениях артерий, возникающих в результате изменения или повреждения стенки сосудов, не было «белым пятном» в медицине. Еще в начале XIX века Буш назвал аневризмы болезнью, составляющей предмет хирургии. В своих «Таблицах» Буяльский перечисляет артерии, перевязываемые «смелыми операторами». Для одной из них он сделал исключение: «...умолчу только о начальной брюшной, которую также Эстли Купер осмелился перевязывать».

Профессорский кандидат Николай Пирогов осмелился на большее. Его диссертация «Является ли перевязка брюшной аорты при аневризме паховой области легко выполнимым и безопасным вмешательством?» была плодом и творческой смелости, и стремительного полета мысли, и научной обстоятельности. Пирогов впервые изучил и описал топографию, то есть расположение брюшной аорты у человека, расстройства кровообращения при ее перевязке, пути кровообращения при ее непроходимости, объяснил причины послеоперационного паралича. Он доказал, что перевязывать брюшную аорту нужно не моментально, а путем постепенного стягивания сосуда, и с важными для хирурга подробностями сообщил, как лучше всего проделать эту операцию. Он предложил два способа доступа к аорте – чрезбрюшинный и внебрюшинный. Поскольку в те времена всякое повреждение брюшины грозило смертью, второй способ был особенно актуален.

Пирогов фактически жил в клинике. Правда, Мойер выхлопотал для него и Иноземцева просторную комнату, но отношения с соседом не сложились. Роднила их одинаковая страсть к своему делу, а в остальном они были очень разными – Федор Иноземцев и Николай Пирогов.

Иноземцев – красив, элегантен, изысканно одет. Пирогов же на свою внешность не обращал особого внимания и пять лет носил привезенный из Москвы ношенный уже сюртук. Иноземцев умел распределять время, он успевал все, был человеком светским. Пирогов же занимался исключительно работой и светских радостей избегал.

Их отношения с первого дня знакомства сложились как своеобразное соревнование. Иноземцев был старше и опытнее. До зачисления в Профессорский институт он уже оперировал. Пирогов считал Иноземцева выше себя и тотчас решил – догнать. И он успешно это сделал.

Встречаться с Иноземцевым в обществе Пирогов не любил. В двадцать лет хотелось «блистать», но скромная внешность Пирогова, отсутствие у него светской легкости, изящества, умения поддерживать приятный разговор не позволяли ему этого делать. Николай Иванович даже с девушками говорил о трупах, препаратах, операциях. Понятно, что те предпочитали Иноземцева, умевшего выбрать более привлекательные для них темы для разговора.

Гостей Иноземцева, приходивших в их комнату, Пирогов недолюбливал. Они раздражали его звонкими голосами, табачным дымом, шелестом сдаваемых карт. Для Иноземцева комната была местом отдыха после работы, а для Пирогова – рабочим кабинетом. Он и жалование-то все тратил на подопытных телят и баранов, а потом в конце месяца сидел без копейки денег, ходил обедать к Мойеру, а дома пил пустой кипяток.

Позже в своих воспоминаниях Пирогов так описывал Иноземцева и свои отношения с ним: «Ф. И. Иноземцев, был как и я, по хирургии, с тем только различием от меня, что, во-первых, это был уже человек лет под 30, не менее 27-ми, 28-ми, а во-вторых, он был несравненно опытнее меня и более, чем я, приговорен. В Харьковском университете в то время учил весьма дельный профессор хирургии – Н. И. Еллинский. Иноземцев не только ассистировал ему при разных операциях, но и сам уже делал одну операцию (ампутацию голени). Это разом ставило его головою выше меня и в моих глазах, и в глазах других товарищей. Иноземцев и с внешней стороны был гораздо представительнее меня. Высокий и довольно ловкий брюнет с черными блестящими глазами, с безукоризненными баками, одетый всегда чисто и с некоторой претензией на элегантность. Иноземцев легко делался вхожим в разные общества и везде умел заслуживать репутацию любезного и милого человека, доброго товарища и отличного парня. Немудрено, что я начал ему завидовать. Это скверное чувство особенно выражалось в моем дневнике, который я некоторое время вел тогда очень аккуратно».

В дневнике Пирогова описана такая ситуация: «Однажды, – я жил тогда еще у Мойера, – я простудился и заболел. Мойер приходит навестить меня и намекает мне довольно ясно, что я порчу себя питьем водки; после такого намека я, взволнованный и еще больной, являюсь к Екатерине Афанасьевне Протасовой и говорю, что я не могу долее оставаться в их доме, так как я заподозрен в пьянстве».

Старушка ахнула:

– Откуда это, батюшка, такое взял?

Я рассказал. Потом вышло, что Иноземцев стороною намекнул что-то, где-то, как-то, что я склонен к злоупотреблению спиртными напитками. Действительно, Иноземцев видел меня раза два навеселе вместе с Шуманским, от которого я в первый раз и узнал вкус водки. Долго я не мог простить Иноземцеву этой сплетни. Мы жили в течение четырех с лишком лет вместе в одной (довольно просторной) комнате в клинике; но наши лета, взгляды, вкусы, занятия, отношения к товарищам, профессорам и другим лицам были так различны, что, кроме одного помещения и одной и той же науки, избранной обоими нами, не было между нами ничего общего.

Меня досаждало еще то, что вечером к Иноземцеву приходили, по крайней мере, раз или два в неделю в гости три или четыре товарища из наших или других русских, которые все знакомы были коротко с Иноземцевым. При чаепитии, курении табака (которого я тогда не терпел) начиналась игра в вист, продолжавшаяся за полночь и мешавшая мне читать или писать.

Я должен покаяться, вспоминая об Иноземцеве. Я теперь и сам бы себе не поверил или, лучше, не желал бы верить; но что было, то было. Я нередко, по недостатку денег к концу месяца, оставался день или два без сахара, и вот, в один из таких дней меня черт попутал

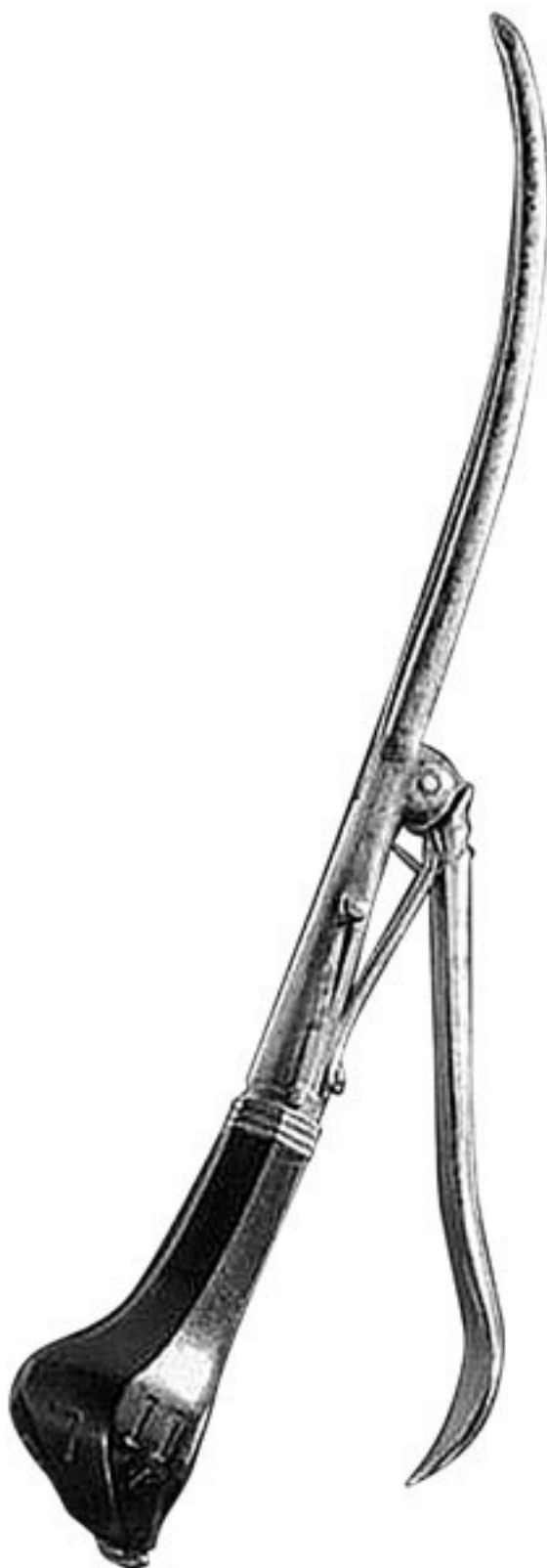
взять тайком три-четыре куса сахара из жестянки Иноземцева. Он как-то заметил это и запер жестянку. О, позор! Дорого бы я дал, чтобы это не было былью».

По неписаной традиции, когда в Дерпте сдавали экзамены на степень доктора медицины, докторант присылал на дом к декану сахар, чай, несколько бутылок вина, торт и шоколад для угощения профессоров. Профессорский кандидат Пирогов впервые нарушил эту традицию. Он явился сам, не выслав вперед установленного оброка. Декану, фрау Ратке, пришлось подать господам экзаменаторам свой чай да еще стать при этом свидетельницей полного успеха этого несносного «герр Пирогофф».

Экзамены сдавали в два круга. В первом предлагали по два вопроса из десяти научных дисциплин, во втором – из двенадцати. В списке экзаменаторов – известные имена: физик Паррот, минералог Энгельгардт, физиолог и эмбриолог Ратке, фармаколог и терапевт Эрдман, хирург Мойер.

В этом списке нет имени Вахтера. Он не был профессором, но был одним из учителей Пирогова. Доктор Вахтер преподавал анатомию, к тому же сам много оперировал, приглашая Николая Пирогова к себе в ассистенты. Вахтер прочитал целый курс с демонстрацией на трупах и препаратах одному Пирогову. «Я полагаю, – писал Пирогов, – что он, Вахтер, принес мне своими анатомическими демонстрациями пользы не менее знаменитого Лодера. Немало из слышанных мною в немецких и французских университетах приватных лекций (*privatissimum*) не принесли мне столько пользы, как *privatissimum* у Вахтера: в первый же семестр моего пребывания в Дерпте Вахтер прочел мне одному только вкратце весь курс анатомии на свежих трупах и спиртовых препаратах. С тех пор мы и стали приятелями».

Кроме сдачи устных экзаменов профессорскому кандидату требовалось также выступить с публичной лекцией, представить несколько историй болезни и две письменные работы. Пирогов блестяще выполнил все эти требования.

Литотом (хирургический инструмент для извлечения камней из мочевого пузыря) середины XIX в.

Профессорские кандидаты рассчитывали провести в Дерпте два-три года, а на самом деле пробыли там целых пять лет. Запланированные поездки за границу откладывались: помешали Французская революция 1830 года и польское освободительное движение 1830–1831 годов. Царь не желал пускать своих подданных в «крамольную» Европу.

После долгого пребывания в Дерпте Пирогов смог, наконец, поехать в Москву. Он четыре года не видел матери и сестер. Поездка получилась непростой: то возница терял дорогу в снежном просторе, то под полозьями кибитки трескался лед. Пирогов замерзал и промокал до нитки. Все это описано им прекрасным и очень образным литературным языком.

Пятинедельное пребывание Пирогова в Москве привело к целому ряду конфликтов, потому что куда бы он ни являлся, везде находил случай осмеять московские предрассудки, позлословить по поводу московской отсталости и косности, сравнить московское с прибалтийским не в пользу московского. Даже с родными Пирогов пререкался и спорил. Свидание с семьей было недолгим, но, уезжая, Пирогов верил, что скоро вернется. Надеялся, что именно здесь, в Москве, он получит должность профессора.

А пока он получил возможность поработать в Берлине, в больнице «Шарите». За окнами больницы жил своей жизнью большой город, но Пирогов старательно изучал свой Берлин – берлинскую хирургию. Двадцатидвухлетний Николай Пирогов приехал Берлин уже будучи достаточно известным. По крайней мере, только он появился в Берлине, как его диссертацию перевели с латыни на немецкий язык и издали.

Практическая медицина жила в Германии совершенно изолированно от анатомии и физиологии. Знаменитые хирурги анатомии не знали, они ездили в каретах от одного пациента к другому, консультировали в больницах и оперировали нечасто. Пирогова это не привлекало. Он искал и находил себе ту работу, которую считал необходимой.

Покойницкая больницы «Шарите», в которой Пирогов учился оперировать, была царством мадам Фогельзанг – худощавой женщины в чепце, клеенчатом фартуке и нарукавниках. Николай Иванович удивлялся, с какой непринужденной ловкостью вскрывала она трупы, а ведь в ту пору и мужчина-врач был нечастым гостем в анатомическом театре.

Пирогов убедился, что мадам Фогельзанг достигла больших успехов в определении и разъяснении положения внутренних органов. Кроме того, она тоже была трудоголиком, что роднило ее с Пироговым. Они долгими часами могли стоять рядом у стола, споря и обсуждая увиденное. Пирогов не был щедрым на похвалу, и немногих спутников своей жизни он назвал дорогими для себя людьми. Мадам Фогельзанг оказалась среди них.

В анатомических театрах Берлина Пирогов постигал патологическую анатомию, которая давала ключ к познанию причин и следствий. Кроме того, Пирогов пришел к мысли о предварительном диагнозе, построенном только на объективных признаках. Он имел в виду детальное обследование. Следовавший затем тщательный опрос больного, критически оцененный, уточнял предварительный диагноз – подкреплял или опровергал его. В сопоставлении рождался окончательный диагноз. Это тоже было внове.

Подводя итоги своей научной командировки, Пирогов пришел к выводу, что ни одна из существовавших в то время школ, ни один из выдающихся хирургов того времени не могут в полной мере удовлетворить его научные запросы. Через несколько лет, побывав в Париже, он раскритиковал французских хирургов так же решительно, как и немецких.

Пирогову предстояло сделать хирургию наукой. Но пока он был еще только в начале этого пути, стесненный в средствах, живущий впроголодь.

Срок командировки подходил к концу. Из министерства будущих профессоров запросили, в каком университете каждый из них желал бы получить кафедру. Пирогов ответил – в Москве. Наконец-то он сможет помочь матери и сестрам! Николай написал матери, чтобы подыскивала квартиру, спешил завершить дела и уже подсчитывал в уме количество коек в хирургической клинике Московского университета.

Но по дороге в Россию Пирогов заболел. К счастью, он ехал из Германии не один, вместе с ним был математик Котельников, приятель по Профессорскому институту. Именно он довез больного Пирогова до Риги. Николай Иванович написал отчаянное письмо генерал-губернатору. Барон Пален, бывший одновременно и попечителем Дерптского учебного округа, слы-

шал о Пирогове, как об одном из способнейших выпускников Профессорского института и поспешил ему помочь. В тот же день Николай Пирогов был доставлен в загородный военный госпиталь.

Потянулись долгие недели мучительной болезни. Обитатели госпиталя – доктора, фельдшера, служители – все приносили больному Пирогову молоко. Он пил его в больших количествах и медленно поправлялся.

Сам Пирогов так написал позже об этом времени в своих воспоминаниях: «Меня поместили в бельэтаже громадного госпитального здания, в просторной, светлой и хорошо вентилированной комнате; явились и доктора, и фельдшера, и служители. Если бы я захотел, то, я думаю, мне прописали бы целую сотню рецептов не по госпитальному каталогу. Но я просил только, чтобы меня оставили в покое и дали бы только что-нибудь успокоительное, вроде миндального молока и лавровишневой воды, против мучительного сухого кашля.

Чем был я болен в Риге? На этот вопрос я так же мало могу сказать что-нибудь положительное, как и на то, чем я болел потом в Петербурге, Киеве и за границу. Сухой, спазмодический, сильный, с мучительным щекотаньем в горле, кашель; ни малейшей лихорадки; сильная слабость; полное отсутствие аппетита с отвращением и к пище, и к питью; бессонница – целые ночи напролет без сна несколько недель сряду... Болезнь длилась около двух месяцев, а облегчение началось тем, что кашель сделался несколько влажнее; в ногах же появились нестерпимые боли, так что малейшее движение ноги отзывалось сильнейшею болью в подошвах; потом показался аппетит к молоку... С каждым днем аппетит к молоку начал все более и более усиливаться и дошел до того, что я ночью вставал и принимался по нескольку раз за молоко; аптекарского, выписываемого по фунтам, не хватало; все обитатели госпиталя, ординаторы, смотрители и комиссары начали снабжать меня молоком; к нему я присоединил потом, также инстинктивно, миндальные конфеты; но порой ел их с молоком по целым фунтам. Наконец дошел черед и до мяса. Мне начали приносить кушанья из городского трактира». Даже в тяжелой болезни Пирогов оставался врачом, изучающим и описывающим эту болезнь.

Риге повезло. Не заболел Пирогов, этот город не стал бы местом его дебютов. Молодой хирург был не в состоянии жить без дела, поэтому едва оправился от болезни и начал ходить, он стал оперировать. Первая операция Пирогова в Риге была пластической: безносому цирюльнику он выкроил новый нос. Затем последовали извлечения камней из мочевого пузыря, ампутация бедра, удаление опухолей, из которых одна была величиной с тыкву.

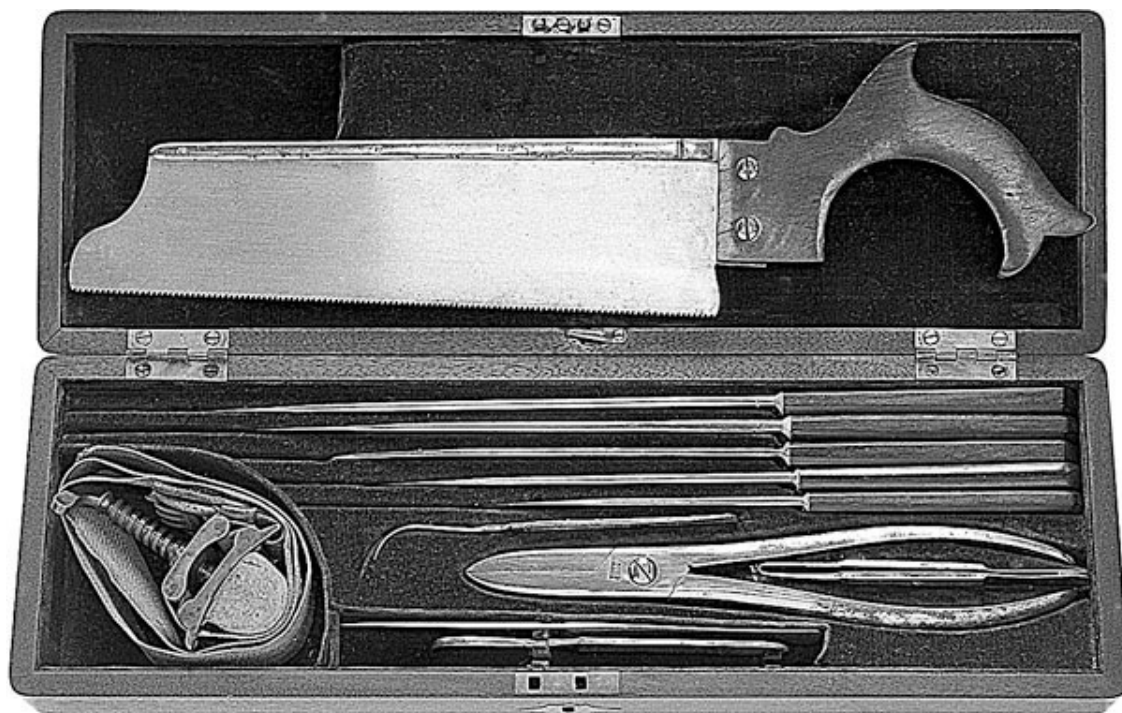
В Риге Пирогов впервые оперировал как самостоятельный хирург. Старый ординатор госпиталя сказал Пирогову: «Вы нас научили тому, чего и наши учителя не знали».

Из Риги Пирогов отправился в Дерпт, где узнал, что кафедру хирургии в Московском университете отдали Иноземцеву. Это был удар. Пирогов обвинял начальство: «Оно само выбирает, само назначает человека, само узнает от него, что он желает действовать именно в том университете, где он получил образование и где он был избран для дальнейшего усовершенствования, – и что же: лишь только пришла беда, болезнь, его забывают и спешат его место заменить другим. Да, этот другой понравился, имел счастье понравиться его сиятельству; а кто знает, понравился ли бы еще я?»

Но Пирогов обвинял и Иноземцева: «Недаром же у меня никогда не лежало сердце к моему товарищу по науке... Это он назначен был разрушить мои мечты и лишить меня, мою бедную мать и бедных сестер первого счастья в жизни! Сколько счастья доставляло и им и мне думать о том дне, когда, наконец, я явлюсь к ним, чтобы жить вместе и отблагодарить их за все их попечения обо мне в тяжелое время сиротства и нищеты! И вдруг все надежды, все счастливые мечты, все пошло прахом! Но чем же тут виноват Иноземцев? Да разве он не знал моих намерений и надежд? Разве он не слышал от меня, что старуха-мать и две сестры ждут меня с нетерпением в Москву? Разве ему не известно было, что я отвечал на посланный

вопрос в Берлин? Разве совесть и долг чести не требовали от товарища, чтобы он отказался от предлагаемого, если на это предложение имел гораздо более прав не он, а другой?»

Вероятно, Пирогов был несправедлив к Иноземцеву. Тот выбрал для себя Харьков, потому что тоже хотел работать именно в том университете, где он получил образование и где был избран для «дальнейшего усовершенствования». Но ему не разрешили ехать в Харьков. Харьков предложили Пирогову, который от этого предложения, естественно, отказался. Николай Иванович остался в Дерпте, перед ним снова распахнулись двери мойеровского дома и мойеровской клиники.

Инструменты для ампутаций середины XIX в.

Как и в Риге, первая же операция в Дерпте принесла Пирогову широкую известность. Было множество зрителей, все говорили о том, что кандидат в профессора изумляет необыкновенной скоростью извлечения камней. Он провел всю операцию за две минуты!

Клиника ожила. Здесь давно не видели серьезных операций, а Пирогов оперировал много и успешно. Мойер предложил оперившемуся ученику свою кафедру в Дерпте. Это был удивительно благородный шаг. Сам Мойер понимал, что это справедливо, потому что Пирогов был достоин и большего.

Зиму 1836 года Пирогов встретил в Петербурге, потому что ждал, пока министр соблаговолит утвердить его на кафедру в Дерпте. Поскольку ждать сложа руки Пирогов не умел, он работал. Позже он так вспоминал об этом времени: «Целое утро в госпиталях – операции и перевязки оперированных, потом в покойницкой Обуховской больницы – изготовление препаратов для вечерних лекций. Лишь только темнело... бегу в трактир на углу Сенной и ем пироги с подливкой. Вечером, в 7, – опять в покойницкую и там до 9-ти; оттуда позовут куда-нибудь на чай, и там до 12-ти. Так изо дня в день».

Оперируя в госпиталях, Пирогов буквально творил чудеса, не отказываясь от, казалось бы, безнадежных случаев. Для его страстной натуры вопрос в ту пору решался так: если можно оперировать, значит нужно оперировать. Петербургские врачи ждали его операций, поскольку это была настоящая хирургическая школа.

В покойницкой Обуховской больницы Пирогов прочитал для ведущих петербургских врачей курс лекций по хирургической анатомии. Поскольку в империи Николая I даже курс анатомии нельзя было прочитать без высочайшего разрешения, один из известнейших русских медиков, лейб-хирург его величества Арендт испросил требуемое разрешение и сам стал самым ревностным слушателем Пирогова.

Лекции Пирогова были точны и наглядны. Каждое утверждение подкреплялось демонстрациями.

«Лекции мои продолжались недель шесть, – вспоминал Пирогов, – Слушателями были, кроме врачей Обуховской больницы, сам Н. Ф. Арендт, не пропускавший, к моему удивлению, буквально ни одной лекции, профессор Медико-хирургической академии Саломон, многие практики-врачи. Обстановка была самая жалкая. Покойницкая Обуховской больницы состояла из одной небольшой комнаты, плохо вентилированной и довольно грязной. Освещение состояло из нескольких сальных свечей. Слушателей набиралось всегда более двадцати. Я днем изготовлял препараты, обыкновенно на нескольких трупах, демонстрировал на них положение частей какой-либо области и тут же делал на другом трупе все операции, производящиеся на этой области, с соблюдением требуемых хирургическою анатомиею правил. Этот наглядный способ особенно заинтересовал слушателей; он для всех них был нов, хотя почти все слушали курсы и в заграничных университетах. Из чистокровных русских врачей никто не являлся на мой курс. И я читал по-немецки».

В Академии наук перед почтеннейшим собранием Пирогов прочитал лекцию о ринопластике. Он купил в парикмахерской манекен из папье-маше, отрезал у него нос, а лоб обтянул куском старой резиновой галоши. Рассказывая ход операции, выкроил из резины нос и с блеском пришил его на место. Он убедительно говорил об огромных возможностях пластической хирургии, о не изученных еще способностях человеческого тела, таких, как «восстановление целости поврежденных частей и развитие новой жизни в частях, перемещенных или пересаженных».

Фактически профессорская деятельность Пирогова началась еще в Риге до его утверждения в профессорском звании и продолжалась затем в Дерпте и Петербурге.

Министр Уваров принял будущего профессора Пирогова в шелковом халате. Как говорится, «О времена, о нравы!» Уваров согласился назначить Пирогова в Дерпт, поругал дерптских студентов и порассуждал о необходимости исправлять их нравственность, поскольку во время посещения Уваровым Дерпта студенты позволили себе посмеяться над господином министром. Разговаривая, Уваров играл поясом от халата, думал о чем-то своем, ему было не до Пирогова, не до кафедр хирургии и вообще не до ведомства народного просвещения, которым он руководил. Уваров жил своей жизнью, далекой от интересов Пирогова. Что ж, каждому свое.

Профессорская деятельность началась для Пирогова с улучшения своего немецкого языка. Заканчивая первую лекцию, Пирогов сказал: «Господа, вы слышите, что я худо говорю по-немецки. Поэтому мои лекции могут оказаться не такими ясными, как мне бы хотелось. Прошу вас сообщать после каждой лекции, в чем я не был достаточно вами понят, и я готов вновь повторять и объяснять все, что необходимо».

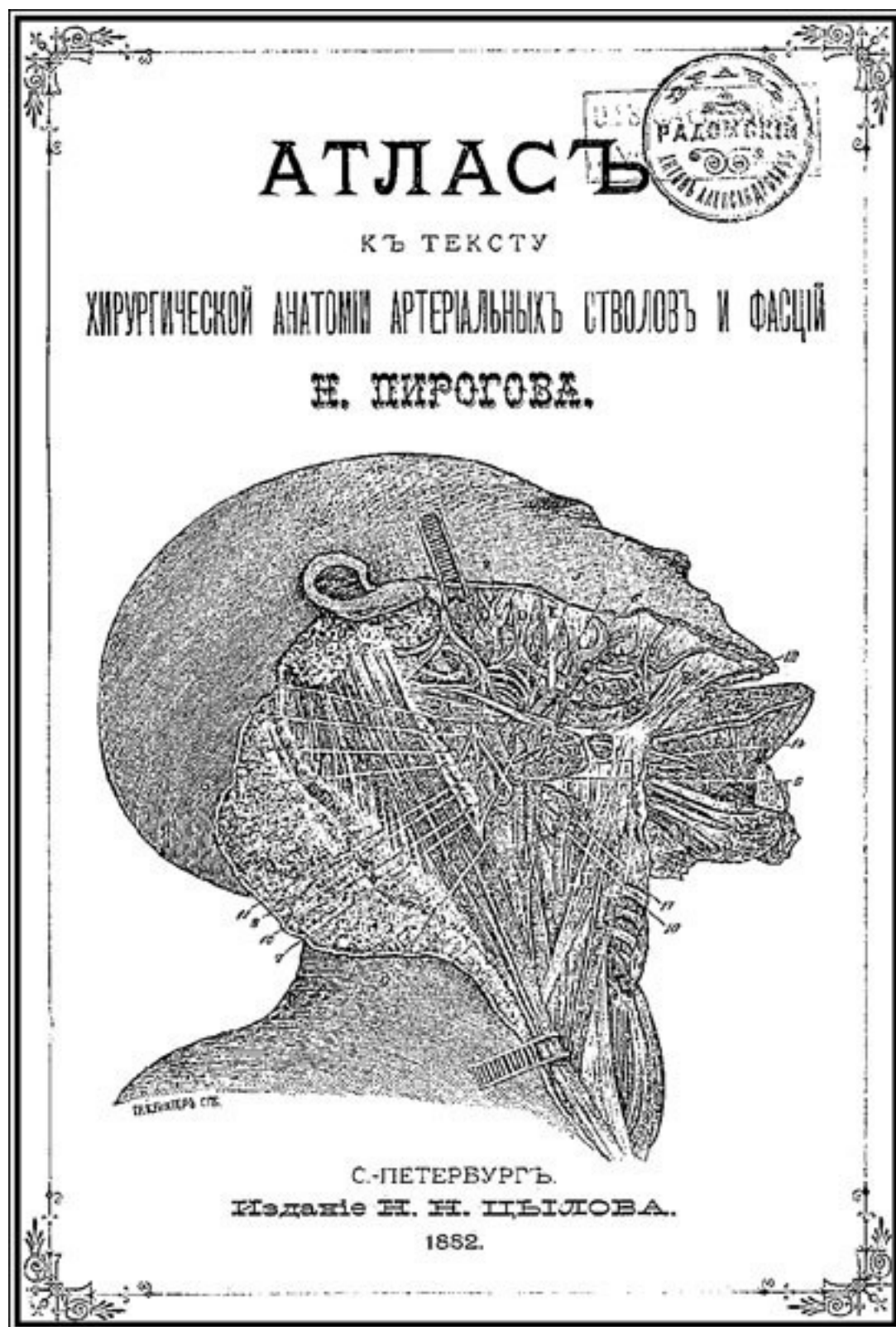
Скоро хирургия стала у студентов одним из любимейших предметов. Когда ученики попросили у Пирогова его портрет, он подарил им литографию с надписью: «Мое искреннейшее желание, чтобы мои ученики относились ко мне с критикой, моя цель будет достигнута только тогда, когда они убедятся в том, что я действую последовательно; действую ли я правильно? – это другое дело; это смогут показать лишь время и опыт».

Молодой профессор Пирогов начал с того, что объявил главным девизом своей деятельности абсолютную научную честность. Этот девиз он пронес через всю жизнь.

В 1837 году – на втором году профессуры – Пирогов выпустил первый том «Анналов хирургического отделения клиники Императорского университета в Дерпте». В 1839 году вышел в свет еще один том.

«Анналы» – это собрание историй болезни, распределенных по разделам в зависимости от характера заболевания. Подробные, тщательные описания сопровождались статьями-обобщениями, размышлениями, заметками, выводами. В «Анналах» много записей с анализом ошибок: «...я совершил крупную ошибку в диагнозе», «...чистосердечно признаюсь, что в этом случае я, может быть, слишком поторопился с операцией», «... в нашем лечении была совершена только одна ошибка, в которой я хочу чистосердечно признаться», «...при этом я не заметил, что... глубокая артерия бедра... не была перевязана», «...больного, описанного в случае 16, я таким образом буквально погубил... Я должен был быть менее тщеславным, и если я уже однажды совершил ошибку, решившись на операцию, то мог хотя бы спасти больному жизнь ценою жертвы конечности».

Пирогов требует от себя правды и честности. Не случайно он взял эпиграфом к «Анналам» слова Жан-Жака Руссо: «Пусть труба Страшного Суда зазвучит, когда ей угодно, я предстану перед Высшим Судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: вот что я делал, что думал, чем был!»

Титульный лист одного из первых изданий атласа «Хирургической анатомии...» Н. И. Пирогова

Николай Бурденко назвал «Анналы» Пирогова «образцом чуткой совести и правдивой души». Иван Павлов назвал их подвигом. «Анналы» – это правдивый рассказ о том, как распознавали болезни, как лечили, как заблуждались и как побеждали медики того времени. Но «Анналы» – это и научный документ, на страницах которого важные прозрения великого

хирурга, бесстрашные шаги из прошлого в будущее, отказ от шаблона мысли, шаблона взгляда, шаблона действия, от «непостижимого стремления человеческого ума заключить природу в ограниченные рамки искусственной, надуманной классификации».

Не забывайте, что операции в то время проводились не так, как сегодня. Вот, например, описание операции по ампутации бедра: «Были сделаны два боковых разреза, чтобы можно было отвернуть кожу. У границы отвернутой кожи мышцы перерезаны двумя сильными сечениями и кость перепилена. Длительность операции – 1 минута 30 секунд. Было наложено шесть лигатур, одна кожная артерия перекручена. Во время операции и наложения повязки больной то и дело впадал в глубокий обморок, который преодолевался холодным опрыскиванием лица и груди, втиранием под носом аммиачной нюхательной соли и небольшими дозами винного напитка. Больной просил соленого огурца и получил ломтик».

Пирогов много оперировал. За первые два года его профессорской деятельности он провел триста двадцать шесть крупных операций: перевязывал артерии, ампутировал конечности, удалял руку вместе с лопаткой, вылушивал опухоли, делал глазные операции, занимался пластической хирургией.

Пирогов оперировал не только в Дерпте. Брал двух-трех помощников и отправлялся в поездку по губернии. Поездки эти называли в шутку «чингисхановыми нашествиями». В небольших городах Пирогов останавливался на неделю и успевал сделать полсотни и больше операций.

В Риге, где в военном госпитале было полторы тысячи коек, он являлся в госпиталь к семи утра, совершал обход, делал операции, потом спускался в покойницкую – вскрывать трупы. Из госпиталя ехал в городскую больницу. Оттуда – в богадельню. А дома его ждали больные – амбулаторный прием. И это обычный рабочий день Пирогова!

Но и у него не всегда все получалось. В воспоминаниях он откровенно смеется над собою, рассказывая случай, когда «самоуверенность поставило» его «в чистые дураки». «Прибыв в Дерпт с полным незнанием хирургии, – пишет Пирогов, – я на первых же порах, нигде ничего не читав о резекциях суставов, вдруг предлагаю у одного больного в клинике вырезать сустав и вставить потом искусственный... Мойер покачал головою и начал трунить надо мною... А нелепицу эту я сам изобрел. Я должен был прикусить язык и смеяться над собственной же нелепостью».

Интересно, что литературный талант Пирогова проявляется даже в его специальных текстах. Он пишет: «кровь протекает под пальцем с жужжанием», «упорство свищей», «шум кузнечных мехов в области сердца», «необходимо держать нож, как скрипичный смычок, одними только пальцами». Он сообщает о больном, доставленном для ампутации: «Один только вид его толстой, отечной, опухшей ноги у всякого отбил бы охоту притронуться к ней ножом». А вот как Пирогов учит производить ампутацию, не вынимая ножа из раны: «Подобно каллиграфу, который разрисовывает на бумаге сложные фигуры одним и тем же росчерком пера, умелый оператор может придать разрезу самую различную форму, величину и глубину одним и тем же взмахом ножа при гармоничных движениях действующей руки».

А это описание жизни в Дерпте: «Вот я, наконец, профессор хирургии и теоретической, и оперативной, и клинической. Один, нет другого. Это значило, что я один должен был:

- 1) держать клинику и поликлинику, по малой мере 2½ – 3 часа в день;
 - 2) читать полный курс теоретической хирургии – 1 час в день;
 - 3) оперативную хирургию и упражнения на трупах – 1 час в день;
 - 4) офтальмологию и глазную клинику – 1 час в день;
- итого – 6 часов в день.

Но шести часов почти никогда не хватало; клиника и поликлиника брали гораздо более времени, и приходилось 8 часов в день. Положив столько же часов на отдых, оставалось еще от суток 8 часов, и вот они-то, все эти 8 часов, и употреблялись на приготовления к лекциям, на

эксперименты над животными, на анатомические исследования для задуманной мною монографии и, наконец, на небольшую хирургическую практику в городе».

По субботам у Пирогова собирались студенты. Это было умное и веселое общество, где увлеченно говорили о вивисекциях и вскрытиях, внимательно слушали рассказы об операциях знаменитых хирургов, выискивали нелепости в их приемах и объяснениях – и хохотали, как над удачным анекдотом.

Пирогов не повторял ошибки своих университетских учителей, объединяя теорию и практику в прочный, неразделимый сплав. Студент осматривал, выслушивал, ощупывал больного – предполагал, подозревал, искал. А профессор часто спрашивал: «Почему?» И студентам надо было объяснять, почему.

В 1837 году было опубликовано одно из самых значительных сочинений Пирогова «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций». Это был результат его восьмилетних трудов. Наука, которую Пирогов создавал всей своей практикой, теперь утверждалась в четких теоретических положениях и практических рекомендациях.

«Хирург, – писал Пирогов, – должен заниматься анатомией, но не так, как анатом... Кафедра хирургической анатомии должна принадлежать профессору не анатомии, а хирургии... Только в руках практического врача прикладная анатомия может быть поучительна для слушателей. Пусть анатом до мельчайших подробностей изучит человеческий труп, и все-таки он никогда не будет в состоянии обратить внимание учащихся на те пункты анатомии, которые для хирурга в высшей степени важны, а для него могут не иметь ровно никакого значения».

Пирогов, как правило, начинает с конкретной идеи, но она оказывается применимой к огромному кругу проблем. Хирургическую анатомию Пирогов разрабатывает и утверждает на базе совершенно конкретного учения о фасциях. Досконально изучив ход каждой фасции, он вывел определенные закономерности взаимоотношений фасций оболочек с кровеносными сосудами и окружающими тканями. То есть открыл новые анатомические законы. Пирогов считал: «если голова «не уравнивает» руку обширными анатомическими познаниями, нож хирурга, даже опытного, «плутает, как дитя в лесу».

«Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций» содержала более полусотни таблиц. Каждую операцию, о которой говорится в книге, Пирогов проиллюстрировал двумя или тремя рисунками. Он писал, что «хороший анатоμο-хирургический рисунок должен служить для хирурга тем, чем карта-путеводитель служит путешественнику».

Когда Пирогов поехал во Францию учиться, он убедился, что его уровень как хирурга весьма высок. «Мне было в высшей степени приятно видеть, что ни одно из новейших достижений французской хирургии не осталось мне чуждым и все они время от времени встречались хотя бы в практической работе», – признавался Николай Иванович.

Пирогов также писал из Парижа, что «твердо взял себе за правило больше видеть, чем слышать. То, что здесь слышишь, к сожалению, часто противоречит тому, что видишь. Поэтому я стараюсь больше наблюдать госпитальную практику здешних хирургов, чем посещать их лекции».

В Париже Пирогов много ездил по госпиталям и анатомическим театрам, проводил дни на бойне, где разрешали вивисекции над больными животными.

В 1840 году ему исполнилось тридцать. Он уже пять лет занимал профессорскую кафедру, много работал, приходил домой поздно. Помогала по дому верная экономка, пожилая латышка Лена. Пирогов задумался о семье. Он очень нежно относился к дочери Мойера – Катеньке, которую родители называли Белоснежкой. Николай Иванович искренне верил, что, женись на Катеньке, отблагодарит Мойера, и сделал ей предложение.

Но Катенька сообщила родителям, что Пирогов «всегда был ей безразличен». Она говорила подруге: «Жене Пирогова надо опасаться, что он будет делать эксперименты над нею». Друг семьи поэт Жуковский поддержал Катеньку в ее решении: «Да, что это еще Вы пишете

мне о Пирогове? Шутка или нет? Надеюсь, что шутка. Неужели в самом деле возьметесь Вы предлагать его? Он, может быть, и прекрасный человек, и искусный оператор, но как жених он противен».

Пирогову отказали под предлогом, что Катенька Мойер давно обещана другому молодому человеку. Николай Иванович, естественно, обиделся. Но жизнь показала, что все было правильно, потому что и Катеньку, и Пирогова ждала впереди своя судьба и своя настоящая любовь. По существу, от того, что их брак не состоялся, все выиграли.

Вскоре Пирогова пригласили в Медико-хирургическую академию на одну из кафедр хирургии. Кандидатуру Пирогова предложил профессор терапии Карл Карлович Зейдлиц, воспитанник Дерптского университета, приятель Жуковского и Мойера.

Но Пирогову не нужна была кафедра без клиники, а в Петербурге при кафедре, которую ему предлагали, клиники не было. Поэтому он разработал проект преобразования находившегося рядом с академией 2-го Военно-сухопутного госпиталя в госпитальную клинику с передачей ее кафедре хирургии. Пирогов обоснованно доказал, что приближение практики к академии улучшит преподавание и подготовку врачей, а приближение теории к клинике усовершенствует лечение больных. Проект приняли.

В конце зимы 1841 года Пирогов переехал из Дерпта в Петербург. Подводя итоги всего сделанного в Дерптском университете, Пирогов писал впоследствии: «В течение 5 лет моей профессуры в Дерпте я издал: 1) Хирургическую анатомию артериальных стволов и фасций, 2) Два тома клинических «Анналов», 3) Монографию о перерезании ахиллесова сухожилия. И сверх этого – целый ряд опытов над живыми животными, произведенных мною и под моим руководством, доставил материал для нескольких диссертаций, изданных во время моей профессуры».

В Петербург Пирогов приехал как известный хирург. На его лекции приходили не только медики, но и студенты других учебных заведений, инженеры, чиновники, военные, даже дамы. Интересно, что дома Пирогов репетировал свои лекции. Он любил повторять: «Ораторами становятся, поэтами рождаются».

В то время о Пирогове писали многие газеты и литературные журналы. В аудиторию и операционную к Пирогову ломился народ. Президент Петербургского общества русских врачей поднес тридцатилетнему профессору диплом почетного члена этого общества. Предложение Пирогова об организации госпитальной хирургической клиники было горячо поддержано конференцией Медико-хирургической академии, отметившей, что такая клиника принесет обучающимся «величайшую пользу», особенно если руководить ею будет сам Пирогов, «известный не только в России, но и за границей своими отличными талантами и искусством по оперативной хирургии».

Но была и другая сторона медали. В хирургическом отделении 2-го военно-сухопутного госпиталя, отданном Пирогову «во владение», его встретили муки больных, преступность начальства, воровство, высокая смертность. Госпиталь стоял на болоте, среди превращенных в гниющую свалку прудов и рытвин, в которых, не высыхая, зеленела густая зловонная жижа. Полы в хирургическом отделении были ниже уровня улиц. Госпитальные начальники открыто воровали, больные голодали. Аптекари сбывали лекарства на сторону, больным не давали даже простейших средств. Из-за преступного небрежения госпитального начальства больные целые дни оставались без лекарств. Это был дом торжествующего воровства и идиотизма.

Пирогов вел неравную борьбу, потому что ему противостояла не кучка преступников, а весь уклад российской жизни. Даже на десятом году работы Пирогов жаловался, что все лекарства он получает в меньших, чем надо, количествах, причем в отчетах это не указывается. Он писал: «Всякий врач должен быть, прежде всего, убежден, что злоупотребления в таких предметах, как пища, питье, топливо, белье, лекарство и перевязочные средства, действуют так же разрушительно на здоровье раненых, как госпитальные миазмы и заразы».

Злоупотребления отворяли дверь госпитальной инфекции, а за нею и смерти. Заразные больные сами готовили перевязочный материал из грязного белья. Фельдшера перекладывали повязки и компрессы с гноящихся ран одного больного на раны другого. Служители с медными тазами обходили десятки коек подряд, не меняя губки, обтирали раны. Инфекция уносила больных и сводила на нет всю работу хирургов. Пирогов объяснял: «Причину смерти должно искать не в операции, а в распространившейся с неожиданной силой миазме».

Томас Икинс. Операция с применением наркоза (фрагмент). 1889 г.

Оставались еще десятилетия до открытия средств борьбы с раневой инфекцией, а Пирогов уже говорил о заражении ран через инструменты и руки хирурга, о перенесении заразы с одной раны на другую через предметы, с которыми соприкасаются больные. Он предупреждал о заразности многих заболеваний.

Вскоре после прихода в академию Пирогов отделил больных с рожей и гангреной от остальных, разместив их в особом деревянном флигеле. Он считал нужным «отделить совершенно весь персонал гангренозного отделения – врачей, сестер, фельдшеров и служителей, дать им и особые от других отделений перевязочные средства, и особые хирургические инструменты». Пирогов запретил обтирать раны общими губками и приказал взамен поливать их из чайников, боролся с изготовлением перевязочного материала из грязной ветоши самими больными. Он требовал соблюдения гигиенических правил, поддержания чистоты, мытья рук.

Пирогов вел настоящую войну с госпитальной администрацией. Неравную борьбу, потому что здание госпиталя, инвентарь, инструменты, лекарства, дрова, свечи – все находилось во владении воров и взяточников, во всем искавших личную выгоду! Они видели в Пирогове только человека, который отнимает у них возможность воровать, а значит, фактически

отнимает у них их деньги. Представляете, КЕМ был Пирогов для тех, кто крал хлеб и мясо из госпитальных мисок и сыпал в кружки больным золу вместо лекарства? Представляете, КАК они его ненавидели?

Старший доктор госпиталя Лоссиевский вручил под расписку ассистенту Пирогова Неммерту секретное предписание, в котором значилось: «Заметив в поведении г. Пирогова некоторые действия, свидетельствующие об его умопомешательстве, предписываю Вам следить за его действиями и доносить об оных мне».

Несмотря на риск, Неммерт передал предписание Пирогову. Пирогов явился к попечителю академии, очередному генерал-адъютанту, и пригрозил отставкой, если делу не дадут хода. Лоссиевскому приказали просить прощения. Он явился к Пирогову в парадной форме, плакал, неискренне каялся в содеянном. Пирогов не сказал ни слова о своей обиде, только показал господину старшему доктору «мерзейший хлеб», розданный в тот день больным.

Пирогов не знал, закончатся ли времена, когда человек, который не крадет то, что вполне можно было украсть, кажется окружающим сумасшедшим. Но ведь и мы, живущие уже в XXI веке, тоже этого не знаем.

Николаю Ивановичу трудно было найти друзей. Хорошо относиться к кому-либо значило для Пирогова быть особенно требовательным и нелюдимым. В отношении себя он требовал от других того же. Однажды на Кавказе во время обеда в полку младший врач стал спорить с Пироговым на медицинские темы. Не зная, что перед ним «сам Пирогов», младший врач говорил резко, даже грубо, стучал вилкой по столу, замахивался на знаменитого профессора салфеткой. После обеда Пирогов заметил, что давно не проводил время так приятно и очень рад, что собеседник его «держал себя совершенно непринужденно».

Пирогов никогда не называл своих врагов «врагами». Он говорил о них так: «Люди, считающие меня врагом». Такие люди, по его определению, «не понимают, что есть обязанности в обществе, которые требуют войны против личности, а они ничего не знают выше личности».

Стать другом для Пирогова было невероятно сложно. Но все же друг в жизни Пирогова появился. В ноябре 1842 года профессор Николай Иванович Пирогов женился на Екатерине Дмитриевне Березиной. Невеста была из родовитой дворянской семьи. Выбирая жену, Пирогов теоретически создавал нужный ему портрет жены-друга. Он искал жену, которой можно доверить свои думы и дела. «Любовь научит тебя действовать в мою пользу! – писал Пирогов своей будущей жене. – Супружеское счастье человека образованного и с чувством тогда только может быть совершенно, когда жена вполне разгадает и поймет его».

Екатерина Дмитриевна Березина (1822–1846). Первая жена Н. И. Пирогова. Представительница древнего дворянского рода, внучка графа Н. А. Татищева.

Пирогов честно рассказывает любимой женщине, каков он сам: «Знай же – наука составляла с самых юных лет идеал мой; истина, составляющая основу науки, соделалась высокою целию, к достижению которой я стремился беспрестанно... Благодарность моя к избранной мною науке не иссякнет до конца моей жизни; я люблю мою науку, как может только любить сын нежную мать».

Пирогов хотел, чтобы жена понимала его и жила его интересами. Он считал, что ей не нужны подруги, выезды в театр и к знакомым. За три с небольшим года супружества Екатерине Дмитриевне дозволено было проводить время лишь с одной подругой, выбранной самим Пироговым. Был ли Пирогов готов в ответ понимать жену и жить ее интересами – неизвестно. Семейная жизнь оказалась недолгой, жена умерла в январе 1846 года от послеродовой болезни. Ей было всего 24 года. Она оставила Пирогову двух сыновей – Николая и Владимира.

Как свидетельствовал журналист Сенковский, Пирогов «лежал больной, совсем убитый, плакал; его окружала куча докторов... он безутешен». Пирогов писал в рапорте: «Расстроенное мое здоровье, требующее по крайней мере полугодичного спокойствия и перемены места, заставляет меня переменить весь род моей службы».

В начале марта 1846 года профессор Пирогов уехал в командировку за границу. Его опять спасала работа. Он выпустил «Полный курс прикладной анатомии» и «Анатомические изображения человеческого тела, назначенные преимущественно для судебных врачей». Академик Бэр в отзыве на «Полный курс прикладной анатомии» писал, что этот атлас – «подвиг истинно труженической учености».

Н. И. Пирогов с сыновьями. Фотография. 1850-е гг.

Пирогов побывал в Италии и во Франции, в Швейцарии и в Тироле, посещал европейские университеты, подбирал прозекторов для академии, покупал оборудование, препараты.

16 октября 1846 года произошло событие, означавшее революцию в хирургии. В этот день была сделана первая операция под наркозом. Доктор Уоррен из города Бостона безболезненно удалил опухоль на шее пациента. Люди веками искали победы над болью, и вот эта победа была одержана! Эфирный наркоз стал широко применяться в медицине. Первую в России операцию под эфирным наркозом сделал Федор Иванович Иноземцев в Москве. 7 февраля 1847 года он вырезал у мещанки Елизаветы Митрофановой пораженную раком грудную железу. Пирогов же сделал первую операцию под наркозом на неделю позже, чем Иноземцев, – 14 февраля 1847 года. Он признавался, что «медлил и неохотно приступил к употреблению этого средства в первый раз».

Американец Робинсон писал: «Многие пионеры обезболивания были посредственностями. В результате случайности местонахождения, случайных сведений или других случайных обстоятельств они приложили руку к этому открытию. Их ссоры и мелкая зависть оставили неприятный след в науке. Но имеются и фигуры более крупного масштаба, которые участвовали в этом открытии, и среди них наиболее крупным, как человека и как ученого, скорее всего надо считать Пирогова».

За год в России было проведено шестьсот девяносто операций под наркозом, триста из них осуществил Пирогов. Некоторые предложенные им методы введения наркоза в организм стали применять на практике лишь спустя десятилетия. «Я уверился, – писал Пирогов, – что эфирный пар есть действительно великое средство, которое в известном отношении может дать совершенно новое направление всей хирургии».

Пирогов выехал на Кавказ с целью «испытать эфирование при производстве операций на поле сражения». На Кавказе шла война, было много раненых, и Николай Иванович понимал, что наркоз – это спасение для многих солдат и офицеров. «Уже тотчас при введении эфирования в хирургическую практику казалось очевидным, что нравственное его влияние на страждущее человечество там преимущественно необходимо, где стекаются в одно и то же время тысячи раненых, жертвовавших собой для общего блага», – писал Пирогов.

Лазарет под Салтами, где оперировал Пирогов, размещался в шалашах. Николай Иванович впервые столкнулся с военной медициной: раненых укладывали на скамейки, сложенные из камней, на камни настилали солому, под голову раненым подкладывали сложенную амуницию. Пирогов оперировал, стоя на коленях.

Он провел сто хирургических операций с наркозом, удивляясь той тишине, которая была в операционной. «Отныне, – говорил Пирогов, – эфирный прибор будет составлять, точно так же как и хирургический нож, необходимую принадлежность каждого врача во время его действий на бранном поле».

В 1847 году медики начинают использовать для наркоза кроме эфира еще и хлороформ. Действие хлороформа было сильнее, сон после него наступал быстрее, для его применения не требовалось специальных аппаратов – платок или кусок марли, смоченный в хлороформе, мог заменить маску. Пирогов стал оперировать под хлороформом. Он провел тысячи операций и сделал вывод: «Итак, и наблюдение, и опыт, и цифра говорят в пользу анестезирования, и мы надеемся, что после наших статистических исчислений, сделанных совестливо и откровенно, ни врачи, ни страждущие не будут более, увлекаясь одними предположениями и предрассудками, восставать против нового средства, столь важного в нравственном и терапевтическом отношении».

Но не только анестезия привлекала Пирогова. Он стал применять «сберегательное лечение» и заменять ампутации резекциями, иссечениями суставов. Несколько резекций локтевого и плечевого суставов Пирогов провел прямо на поле боя.

Сложный перелом прежде тоже означал ампутацию. Пирогов применил неподвижную крахмальную повязку. Он считал, что обездвиживание может спасти конечность. Чтобы испытать, хороша ли крахмальная повязка, Пирогов после многочасовых операций сам сопровождал караваны, на трудных горных тропах сравнивал, изучал транспортные средства, наблюдал за состоянием раненых в пути.

И еще одно важное правило «сберегательного лечения» вывел на Кавказе Пирогов – это рассечение ран. Он расширял входное и выходное отверстия огнестрельных ран, чтобы «доставить свободный выход скопившемуся в глубине раны гною, излившейся крови и омертвевшей клетчатке». Первичную обработку ран Пирогов считал главным условием для их успешного лечения.

По возвращении с Кавказа Пирогов написал «Отчет о путешествии по Кавказу» и приложил к нему «Таблицу операций, произведенных нами и другими хирургами в России с помощью анестезирования».

Военный министр князь Александр Иванович Чернышев холодно принял Пирогова, потому что врач пришел не том в мундире. Люди, живущие в разных мирах, с трудом понимают друг друга. Мир Пирогова, наполненный смыслом, творчеством, самоотверженной работой, направленной на великие цели, мир человека, видящего общественный интерес и ставящий его выше личного, был абсолютно недоступен тем, для кого мундир был важнее того, на кого он надет. После этой встречи, уже дома, с Пироговым случилась истерика. Он сам признавался: «Со мною приключился истерический припадок со слезами и рыданиями». Все трудности, перенесенные на Кавказе, не выдавили из него ни слезинки, а эта унижительная несправедливость заставила заплакать!

Высшее общество, так называемый свет, не принимал Пирогова с его обостренным чувством ответственности, неукротимым трудолюбием, глубокой нравственностью, пренебрежением светскими условностями.

Обладая непростым характером, Пирогов приобрел себе много врагов, среди которых был и Фаддей Булгарин. Булгарин писал клеветнические фельетоны и письма, в которых унижал Пирогова, отрицал его научные заслуги, высмеивал его характер, взгляды, поступки. В конце-концов Булгарин обвинил Пирогова в плагиате, написав, что Пирогов «заимствовал» часть своего «Курса прикладной анатомии» из сочинения английского анатома Чарльза Белла.

Пирогов не считал нужным защищать свою честь ученого перед неучем, он потребовал суда над клеветником и подал в отставку. Отставку Пирогова не приняли, потому что началась эпидемия холеры. Только в Петербурге и окрестностях умерло шестнадцать с половиной тысяч человек. Пирогова ждала опасная работа, в которой нуждалось общество, он был необходим, как врач, как профессионал. Пирогова можно было унижать, но без него нельзя было обойтись.

Пирогов со всей присущей ему основательностью провел планомерное изучение болезни и написал по результатам своих исследований труд «Патологическая анатомия азиатской холеры. Из наблюдений над эпидемиею, господствовавшей в России в 1848 году». К труду прилагался патологоанатомический атлас этого заболевания.

Постепенно вокруг Пирогова сформировался «Пироговский врачебный кружок» – «Ферейн»¹, заседания которого посещали физиолог Загорский, терапевт Здекауер, акушер Шмидт, фармаколог Реймерс, старый товарищ Пирогова Владимир Даль. Сам Пирогов сделал в кружке более ста сообщений по хирургии, терапии, неврологии, фармакологии, судебной медицине. Здесь его понимали и принимали. Это был ЕГО мир.

¹ От нем. *verein* – клуб.

После смерти Екатерины Дмитриевны Николай Иванович дважды хотел жениться. Он понимал, что сыновьям нужна мать. Но он не мог жениться без любви. Размышляя о возможном браке, Пирогов создал в своем воображении идеал необходимой ему женщины – друга, жены, матери. Он даже написал об этом статью, которая в списках ходила по рукам под названием «Идеал женщины». Другая его известная статья, тоже разошедшаяся в списках, – «Вопросы жизни» была посвящена проблемам воспитания.

Однажды Пирогов читал свою статью «Вопросы жизни» у генеральши Козен, где познакомился с Александрой Антоновной Бистром. Через несколько дней после этой встречи он писал Моллеру: «Я нарочно сел напротив этой особы и только теперь в первый раз пристально взглянул на нее. Я дошел до второго вопроса (об устройстве семейного быта). Читая его, я чувствовал, что дрожь и какие-то сотрясающие токи взад и вперед пробегали по моему лицу. Мой собственный голос слышался мне другим в ушах. Я непроизвольно опять посмотрел на незнакомку и на этот раз вижу: она отвернулась и украдкой утерла слезу... Мы обменялись несколькими словами. Она проиграла чудный романс Шуберта. Я так сидел, что не мог ее разглядеть хорошенько. Но для чего мне это было, когда я знал, я убежден был, я не сомневался, что это она?»

Николай Иванович повел себя решительно, по-мужски. На следующее утро генеральша получила от него огромное благодарственное послание и заново написанные заключительные строки «Вопросов жизни». Эти строки Пирогов просил передать баронессе Бистром, которая должна была тотчас решить – да или нет: «Если да, то пусть рука той, которую я вчера у Вас видел и которую избираю моим судьей, проведет пером черту под тремя последними словами». Три последние слова были: «Да, я готова».

Скоро он получил ответ. Заветные слова были подчеркнуты двумя чертами. Пирогов позже писал в своих воспоминаниях: «И мы пошли, знакомые уже полжизни, рука в руке, и говорили целый вечер без волнения, ясно, чисто об участии моих детей, их воспитании, решении для них вопросов жизни. И сходство чувств пожатием руки обозначалось. Как друга старого, так просто и спокойно, она взяла меня за руку и повела принять отца и матери благословенье. Вот Вам моя поэма. Судите, как хотите, но кто же может это быть, как не она?»

Пирогов писал невесте письма, в которых откровенно рассказывал о себе, своих мыслях, взглядах, чувствах, описывал свои «худые стороны», «неровности характера», «слабости». Николай Иванович знал, что он не ангел, и хотел, чтобы она любила его таким, каким он был, – неисправимым трудоголиком, простым, обыкновенным, со своими причудами и слабостями. Невеста отвечала ему: «Может быть, со временем моя любовь одушевит Вас, и Вы также себя почувствуете тогда более способным писать о своих чувствах, нежели о всех возможных умозрениях».

Они обвенчались в июне 1850 года. Медовый месяц молодые провели в имении баронессы Бистром. Но как! Николай Иванович долгие часы выстаивал у походного операционного стола, оперировал, а ему ассистировала молодая жена – Александра Антоновна.

Семейная жизнь не была для Пирогова на первом месте, потому что это первое место на протяжении всей его жизни прочно занимала работа. Но и на втором месте семейная жизнь тоже не была, потому что там тоже стояла работа. И о третьем месте тоже спрашивать не надо. Все шло по-прежнему: он разработал методику использования гипса в хирургии, создал атлас «Иллюстрированная топографическая анатомия распилов, проведенных в трех направлениях через замороженное человеческое тело», руководил кафедрой, занимался в Анатомическом институте, лечил в клинике тысячи больных, оперировал, конструировал и выпускал медицинские инструменты, писал книги и статьи. Но теперь у него был прочный тыл – семья, в которой его любили, понимали и заботились о нем.

Когда в 1853 году началась Крымская война, Пирогов считал своим гражданским долгом отправиться в Севастополь и добился назначения в действующую армию. За время обороны Севастополя Пироговым было сделано более 5000 операций.

В те трудные военные дни Николай Иванович проявил себя великолепным организатором. Он предложил делить раненых на пять категорий: «безнадежные и смертельно раненые; тяжело и опасно раненые, требующие безотлагательной помощи; тяжело раненые, требующие также неотлагательного, но более предохранительного пособия; раненые, для которых непосредственное хирургическое пособие необходимо только для того, чтобы сделать возможную транспортировку; и, наконец, легко раненые, или такие, у которых первое пособие ограничивается наложением легкой перевязки или извлечением поверхностно сидящей пули».

Сам Пирогов потом вспоминал: «Я убежден из опыта, что к достижению благих результатов в военно-полевых госпиталях необходима не столько научная хирургия и врачебное искусство, сколько дельная и хорошо учрежденная администрация. К чему служат все искусные операции, все способы лечения, если раненые и больные будут поставлены администрацией в такие условия, которые вредны и для здоровых... От администрации, а не от медицины зависит и то, чтобы всем раненым без изъятия и как можно скорее была подана первая помощь, не терпящая отлагательства...»

Часто я видел, как врачи бросались помочь тем, которые более других вопили и кричали, видел, как они исследовали долее, чем нужно, больного, который их интересовал в научном отношении, видел также, как многие из них спешили делать операции, а между тем, как они оперировали нескольких, все остальные оставались без помощи, и беспорядок увеличивался все более и более... Без распорядительности и правильной администрации нет пользы и от большого числа врачей, а если их к тому еще мало, то большая часть раненых остается вовсе без помощи».

В первом письме из Севастополя 14 ноября 1854 года Пирогов писал жене: «Приехал в Севастополь 12 числа и спешу тебя уведомить, милая Саша, что, слава Богу, жив и невредим. Подробное письмо начал было писать вчера, но не успел окончить; завтра едет фельдъегерь, а мне некогда; с 8 часов утра до 6 часов вечера остаюсь в госпитале, где кровь течет реками, с лишком 4000 раненых. Скоро поеду в Симферополь навстречу сестрам милосердия; устал, лежу и пью чай; погода сегодня, как в августе или в конце июля у нас, но зато вчера целый день шел дождь... Слышится треск бомб и ядер к вечеру, но не слишком часто. Дела столько, что некогда и подумать о семейных письмах.

Чу, еще залп; но мы в безопасности: остановились в бастионе № 4 Северной стороны.

...Целую тебя, прижимаю к сердцу. Поцелуй детей; скажи себе и им, что муж и отец думает об вас и за 2000 верст».

В. Ф. Тимм. Герои обороны Севастополя (слева направо): А. Елисеев, А. Рыбаков, П. Кошка, И. Дымченко, Ф. Заика. Иллюстрация из «Русского художественного листка». 1855 г.

А вот как описывает события, связанные с приездом Пирогова в Севастополь, один из работавших с ним врачей: «В это критическое время явился к нам из Петербурга академик Николай Иванович Пирогов с десятком избранных им самим сведущих хирургов. Не успев познакомиться с санитарными учреждениями в самом городе, он принялся водворять порядок на Северной стороне. После сортирования раненых отправлен был огромный транспорт больных в Симферополь и прекращена была транспортировка раненых из нашего временного госпиталя, чрез что открылась возможность уложить по местам всех раненых и заняться подаaniem помощи страдальцам. Прибывшие хирурги вместе с военными врачами принялись деятельно за работу и вскоре все больные были перевезены и успокоены... По приведении в порядок местного госпиталя на Северной стороне профессор Пирогов принялся за организацию санитарных учреждений в самом городе. Приняв в свое ведение от медицинского инспектора Черноморского флота первый перевязочный пункт, он первым делом стал заботиться, чтоб дать большой простор раненым и сохранить по мере возможности чистый воздух в комнатах. Для этой цели кроме дома Благородного собрания в городе заняты были все казенные здания и более удобные дома частных жителей, где прежде помещались одни только второстепенные перевязочные пункты. Теперь занята часть Николаевской батареи, дом Инженерного ведомства, Екатерининский дворец и купеческие дома – Орловского, Гущина и других, где можно было поставить от 30 до 50 и более коек».

С профессором Пироговым приехали в Севастополь лучшие молодые хирурги: Беккерс, Обермиллер, Каде, Реберг, Пабо, Хлебников, Тарасов, Тюрин, Сохраничев и опытный фельдшер Калашников. Приехали в Крым и сестры милосердия – медицинские сестры Крестовоздвиженской общины, присланные для оказания помощи больным и раненым воинам и самоотверженно работавшие под непосредственным руководством Пирогова.

Именно Пирогов первым в мире во время обороны Севастополя организовал женский уход за ранеными в районе боевых действий.

Никогда Пирогов не оперировал столько, сколько в Севастополе, но он максимально использовал и свое «сберегательное лечение». Он привез в Крым новую методику гипсовых повязок. Сам Николай Иванович, например, при переломах нижней трети бедра накладывал гипсовую повязку всего за пять минут.

Но и в Севастополе, как и в столице, Пирогов был обречен сражаться с циничной чиновничьей машиной. В симферопольских госпиталях оказалось втрое больше раненых, чем кроватей. В одном частном особняке четыреста солдат и матросов три дня валялись на голом полу. Их «позабыли» зачислить на довольствие, и жители соседних домов приносили им еду, как подаяние. В госпитальном супе плавали черви. Но и его есть было не из чего и нечем, потому что не хватало посуды, на тринадцать тысяч больных было всего шесть тысяч ложек. Лекарств почти не было: в городе имелась одна-единственная аптека. Бинты, ветошь, компрессы присылали негодные к употреблению, да и тех не хватало, бинты снимали с умерших, стирали кое-как и еще мокрыми накладывали на раны живых людей.

При всем этом интенданты спускали в трактирах за вечер тысячи рублей, комиссариатские чиновники с годовым трехсотрублевым жалованьем проигрывали десятки тысяч в карты. А Пирогов с утра до ночи мотался по городу, размещая раненых и в ответ на сетования соскучившейся жены писал: «Мы живем на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем». И еще: «Тому, у кого не остыло еще сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на все, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом, и ты... верно, утешись, подумав, что муж твой оставил тебя и детей не понапрасну, а с глубоким убеждением, что он не без пользы подвергается лишениям и разлуке».

На войне каждый поступал в соответствии со своими нравственными и профессиональными качествами. Но количество людей, у которых отсутствовало и то и другое, было, к сожалению, весьма велико!

Доставалась и сестрам милосердия, которых Севастополь встречал орудийным грохотом, вонью гангренозных барачных, изнурительной работой под обстрелом. Нелегко было найти слова, чтобы достойно оценить труд севастопольских сестер. Пирогов однажды сказал им, разведя руками: «Вы что ж, хотите, чтобы я вас в глаза хвалил?» В его устах это была высшая похвала.

Сестры Крестовоздвиженской общины. Фотография. 1855 г.

Хорошо понимал профессионального врача Пирогова профессиональный военный — Павел Степанович Нахимов. Он внимательно выслушивал великого хирурга и издавал соот-

ветствующие приказы: об устройстве бань, о снабжении личного состава сушеной зеленью, о запрещении пользоваться нелуженой посудой, о строительстве хлебопекарных печей «для всех, то есть и для солдат». Нахимов ежедневно посещал госпиталь. Он боролся с той же чиновничьей машиной, что и Пирогов. «Я менее, нежели кто-нибудь, имею влияние на управление Севастополя», – с горечью признавался он.

Пирогов действовал весьма решительно, он разделил сестер в каждой дежурной смене на перевязочных, аптекарш и хозяек. Так в руках сестер милосердия оказались продукты и медикаменты, чай, сахар, вино, пожертвованные вещи. Все это сразу стало попадать непосредственно к солдатам, красть стало невозможно. Как возмутились наживавшиеся на войне воры разного ранга! Однажды Пирогов написал важному чиновнику, задержавшему снабжение госпиталей дровами: «Имею честь представить на вид...» и за дерзкое, «неприличное» обращение к высокому лицу получил вместо дров выговор от главнокомандующего и даже от государя. Вот такая была «круговая порука».

Но Пирогов не сдавался, он являлся в кухни, вместе с сестрами милосердия отмерял по норме продукты, обнаруживал то «затерянные» палатки, то сотни «по забытых» одеял, вытаскивал их из складских тайников, пускал в дело. Здесь они с Нахимовым были заодно. Нахимов сказал однажды без тени улыбки: «Распорядился я своею властью выдать раненым со складов восемьсот матрацев. Глядишь, и под суд отдадут-с. После войны». «После войны» вполне могло для них и не наступить, потому что и Пирогов, и Нахимов ежедневно ходили под смертью. И Нахимов вскоре погиб.

«Севастопольские письма» Пирогова адресованы жене, но в них жестокая правда о Севастополе. В одном из писем Пирогов пишет: «В войне много зла, но есть и поэзия: человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семякин, когда шел на приступ с азовцами, смотрит и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды; много забот, много и разливной беззаботности. Мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает; здесь не видишь ни киверов с лошадиными хвостами, ни эполет, ни чиновнических фраков, и даже ордена видишь только изредка; просто все закутано в солдатскую сермягу, в длинные грязные сапоги, как дома, так и на дворе; я этот костюм довел до совершенства и сплю даже в солдатской шинели. Посмотришь в госпитале, и тут вся наша формальность исчезает: кто лежит на кровати, кто на наре, кто на полу, кто кричит так, что уши затыкай, кто умирает не охнув, кто махорку курит, кто сбитень пьет».

Пирогов с любовью описывает в письмах героев Севастополя: «Теперь в госпитале на перевязочном пункте лежит матрос Кошка, по прозванию; он сделался знаменитым человеком; его посещали и великие князья. Кошка этот участвовал во всех вылазках, да не только ночью, а и днем чудеса делал под выстрелами. Англичане нашли у себя в траншеях двоих наших убитых и привязали их, чтобы обмануть наших, думая, что их будут считать за часовых.

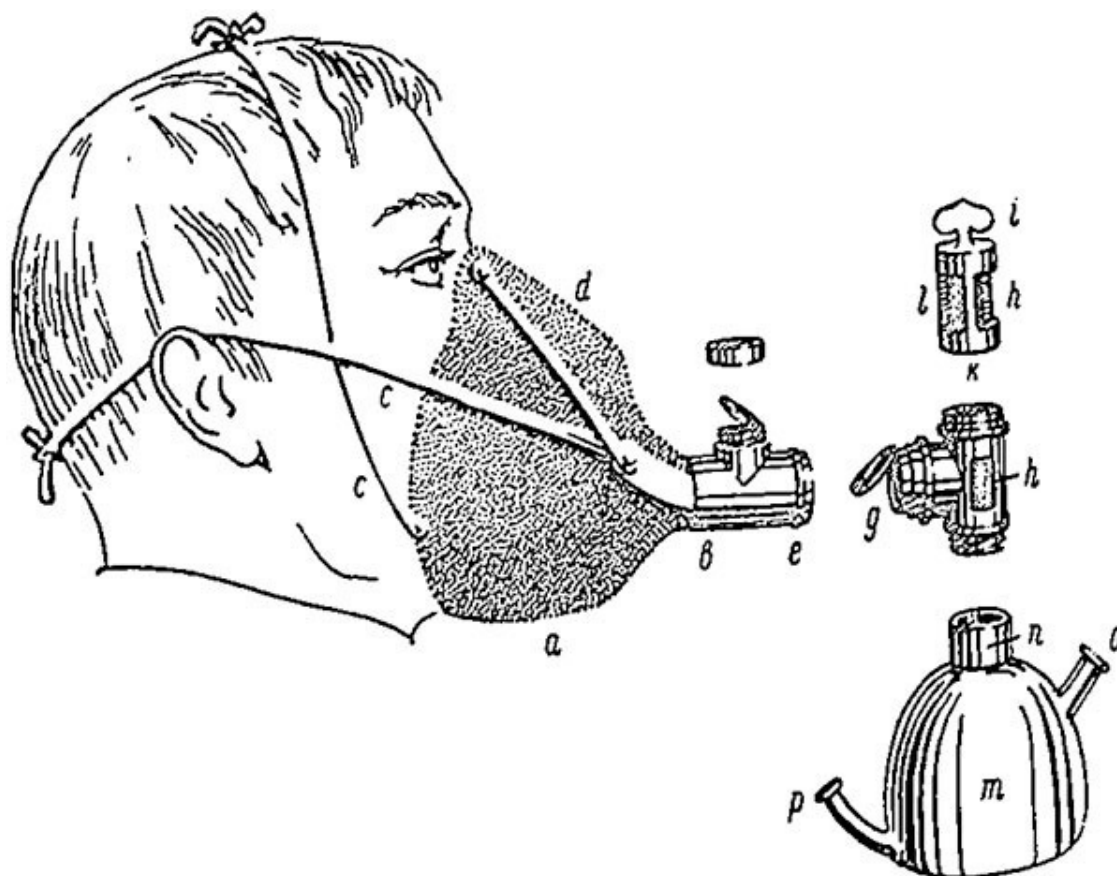
Кошка днем подкрался ползком до траншей, нашел английские носилки, положил труп на эти носилки из полотна, прорезал в них дырью и, пропустив через дырью руки по плечу, надел носилки вместе с трупом себе на спину и потом опять ползком с трупом на спине отправился назад восвояси; град пуль был в него пущен, шесть пуль попали в труп, а он приполз здоровехонек».

В других письмах содержится критика тех, кто мешал Пирогову делать свое дело: «Из того письма, где я тебе описывал Меншикова, видно, что я правду говорил: он не годится в полководцы; скупердяй... сухой саркаст, отъявленный эгоист, – это ли полководец? Как он запустил всю администрацию, все сообщения, всю медицинскую часть. Это ужас! И взамен, что же сделал в стратегическом отношении? Ровно ничего. Делал планы, да не умел смотреть за исполнением их, потому что ему не доставало умения на это; он не знал ни солдат, ни военачальников; окружил себя ничтожными людьми, ни с кем не советовался, – ничего и не вышло. Он хотел было сыграть комедию и под видом мистицизма, что он молчит, но знает и скры-

вает многое, хотел бросить пыль в глаза; ему и удалось надуть некоторых дураков (с одним из таких, Апраксиным, я встретился на дороге), которые кричали, что без Меншикова Севастополь погиб. Но теперь все мы знаем, что Севастополь стоит совсем не через него... Слава богу, я рад, что этого старого скупердя прогнали. Он только что мешал».

Именно в Севастополе Пирогов убедился, что ни к чему все искусные операции, все способы лечения, если раненые и больные поставлены администрацией в такие условия, которые вредны не то что больным, а и здоровым людям. Он вывел одно из главнейших положений своей военно-полевой хирургии: «Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны». Не только эта война, но и войны, которые люди вели в XX веке и ведут в XXI, показали, насколько Пирогов был прав.

Пирогов воочию видел, что администрация Севастополя является едва ли не злейшим врагом Севастополя. «Страшит не работа, – писал Пирогов, – не труды, – рады стараться, – а эти укоренившиеся преграды что-либо сделать полезное, преграды, которые растут, как головы гидры: одну отрубишь, другая выставится».

Приспособление для эфирного наркоза, изготовленное по указаниям Н. И. Пирогова

В другом письме Пирогов говорит о тех проблемах, которые мешают защищать город: «Худые слухи носятся в городе; говорят, что Севастополь будет взят. Но что всего хуже – это раздоры и интриги, господствующие между нашими военными начальниками; это я заключаю из разговоров с адъютантами. Сакенские ненавидят горчаковских; друг друга упрекают в пристрастии... От раненых беспрестанно слышишь жалобы на беспорядок. Когда солдат наш это говорит, так уж, верно, плохо.

Время ли тут интриговать, спорить и рассуждать о том, за что тот или другой получил награду, восставать друг против друга, когда нужно единодушие; а его нет, я это вижу ясно. Это ли любовь к родине, это ли настоящая воинская честь? Сердце замирает, когда видишь

перед глазами, в каких руках судьба войны, когда покороче ознакомишься с лицами, стоящими в челе. Они, не стыдясь, не скрывая перед подчиненными, ругают друг друга дураками.

Хорошо говорить самому себе: «Молчи; это – не твое дело»; да нельзя, не молчитесь, особливо когда говоришь с женою.

Так и во всем, так и с бедными ранеными; когда за месяц почти до бомбардировки я просил, кричал, писал докладные записки главнокомандующему (князю Горчакову), что нужно вывезти раненых из города, нужно устроить палатки вне города, перевезти их туда, – так все было ни да, ни нет. То средств к транспорту нет, то палаток нет; а как приспичило, пришла бомбардировка, показался антонов огонь от скучения в казармах, так давай спешить и делать, как ни попало. Что же? Вчера перевезли разом четыреста, свалили в солдатские палатки, где едва сидеть можно; свалили людей без рук, без ног, со свежими ранами на землю, на одни скверные тюфячишки. Сегодня дождь целый день; что с ними стало? Бог знает. А когда начнут умирать, так врачи виноваты, почему смертность большая; ну, так лги, не робей. Не хочу видеть моими глазами бесславия моей родины; не хочу видеть Севастополь взятым; не хочу слышать, что его можно взять, когда вокруг него и в нем стоит слишком 100 000 войска...

Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь; а когда видишь перед глазами, как мало делается для отчизны и собственно из одной любви к ней и ее чести, так поневоле хочешь лучше уйти от зла, чтобы не быть, по крайней мере, бездейственным его свидетелем. Я знаю, что все это можно назвать одной непрактической фантазией, что так более прилично рассуждать в молодости, но я не виноват, что душа еще не состарилась.

...О, как будут рады многие начальства здесь, – которых я также бомбардирую, как бомбардируют Севастополь, – когда я уеду. Я знаю, что многие этого только и желают».

В мае Пирогов решил ехать в Петербург. Он мечтал повидаться с женой, сыновьями. Николай Иванович решил ехать, потому что знал, что вернется. Он вернулся в последних числах августа, добился права подчиняться непосредственно главнокомандующему и получил в полное распоряжение все перевязочные пункты и транспортные средства.

Теперь Пирогов рассматривал в подзорную трубу уже оставленный Севастополь. Нахимов не дожидаясь этого дня. 28 июня на Малаховом кургане он поднялся во весь рост перед французской батареей. По нему стреляли. «Они сегодня довольно метко целят», – сказал адмирал и упал, сраженный пулей. В записной книжке Нахимова остались среди прочих и такие пометки: «поверить аптеки», «чайники для раненых», «колодцы очистить и осмотреть», «лодку для Пирогова и Гюббенета».

Пирогов остался без друга и союзника в своей борьбе. В первый приезд он нашел тысячи раненых под Инкерманом. Во второй приезд – тысячи раненых на Черной речке. Сражение на Черной речке князь Горчаков дал в угоду царю, поскольку Александр II требовал сражения. Оно обошлось русскому народу в восемь тысяч убитых и раненых.

К пострадавшим на Черной речке прибавились жертвы последней бомбардировки города. Восемьсот тяжелых орудий выпускали по Севастополю восемьдесят тысяч снарядов ежедневно. Симферопольские госпитали были переполнены, такое скопление раненых угрожало последствиями, ненамного уступавшими последствиям бомбардировки. Проблема транспорта стала главной, – предстояло организованно эвакуировать раненых из Крыма в близлежащие губернии.

Пирогов отлично знал, что такое «крымские транспорты». Из каждой сотни санитарных повозок примерно пятнадцать превращались в конце пути в похоронные дроги. Поэтому, пользуясь полученными в Петербурге полномочиями, Пирогов отобрал транспортировку у интендантов и передал медикам. По маршруту эвакуации отправилась Бакунина – надежнейшая из его помощниц. Она возглавляла созданное Пироговым особое транспортное отделение сестер

милосердия. Николай Иванович просил ее проверить, перевязывают ли на этапах раненых, чем их кормят и поят в пути, дают ли им одеяла и полушубки.

Пирогов разработал свою четкую систему эвакуации. Он объявил войну «холодным и нежилым притонам» – путевым ночлежкам. От Симферополя до Перекопа устроили тринадцать этапных пунктов – там кипятили чай, готовили горячую пищу. Это были места, где раненых ждали.

Пирогов потребовал теплой одежды для каждого, кого отправлял в путь. Интенданты снова остались без возможности что-то воровать, потому что Николай Иванович все проверял лично. Провожая транспорты, он даже лично взвешивал мешки с сухарями, которые полагались на дорогу. Интенданты были просто в ярости! Они его ненавидели лютой ненавистью. Они исходили желчью. Пирогов, зная их подлую природу, проверял даже баки с водой – доволь ли пресной воды, потому что запрещал поить раненых из степных колодцев.

А ведь Николай Иванович делал все это, продолжая ежедневно оперировать! «Вы сходите на перевязочный пункт, в город! Там Пирогов; когда он делает операцию, надо стать на колени», – писал очевидец, побывавший в Крыму. Поэт Некрасов напечатал эти строки в «Современнике» и прибавил от себя: «Выписываем эти слова, чтобы присоединить к ним наше удивление к благородной, самоотверженной и столь благодетельной деятельности г. Пирогова, – деятельности, которая составит одну из прекраснейших страниц в истории настоящих событий. Одно из самых отрадных убеждений, что всякая личность, отмеченная печатью гения, в то же время соединяет в себе высочайшее развитие лучших свойств человеческой природы, – эта истина как нельзя лучше оправдана Пироговым... Это подвиг не только медика, но и человека. Надо послушать людей, приезжающих из-под Севастополя, что и как делал там Пирогов! Зато и нет солдата под Севастополем (не говорим об офицерах), нет солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова и не учила бы своего ребенка произносить это имя с благоговением. Пройдет война, и эти матросы, солдаты, женщины и дети разнесут имя Пирогова по всем концам России, оно залетит туда, куда не заглядывала еще ни одна русская популярность».

Но сам Пирогов не воспринимал похвал в свой адрес, он был невероятно требователен к себе. И в военной обстановке он не просто работал, он продолжал поиск истины: «Убедитесь сами, а главное, считайте на бумаге, не надейтесь на свою память, сравнивайте успехи счастливых и несчастных врачей, если возможно при равной обстановке, и потом уже оценивайте результаты. Отбросьте бабьи толки, департаментские отчеты, хвастливые рассказы энтузиастов, шарлатанов и слепорожденных, – спокойно следите за судьбою раненых, с пером в руках из операционной комнаты в больничную палату, из палаты в гангренозное отделение, а оттуда в покойницу – это единственный путь к истине; но путь не легкий, особенно если наблюдатель пристрастился к известной операции или если другой оперирующий коллега непременно хочет быть счастливым, а еще хуже если он обязан официально донести департаменту об успехах своих действий; тогда Боже упаси от правдивых статистических расчетов, они тогда небезопасны для существования хирурга.

Об этом можно еще много толковать. Я, может быть, если останусь жив да отслужу свои тридцать лет, – не забудьте, что нам считается месяц за год службы, – соберу результаты моих статистических наблюдений об ампутациях и обнародую их».

Уроки Крымской войны показали необходимость реформы учебных заведений военного ведомства и нового подхода к обучению и воспитанию будущих офицеров армии и флота. Николай Иванович Пирогов как непосредственный участник обороны Севастополя откликнулся на призыв журнала «Морской сборник», ведущего периодического издания Морского ведомства, присылать статьи, посвященные преобразованию военных учебных заведений.

В июле 1856 года журнал напечатал ту самую знаменитую статью Пирогова «Вопросы жизни», в которой он изложил свои педагогические взгляды.

У статьи есть эпиграф:

«— К чему вы готовите вашего сына? — кто-то спросил меня.

— Быть человеком, — отвечал я.

— Разве вы не знаете, — сказал спросивший, — что людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества? Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.